

На правах рукописи
УДК 81.367 + 81.37 + 81`374

Перфильева Наталия Петровна

**МЕТАТЕКСТ:
ТЕКСТОЦЕНТРИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Специальность 10.02.01 – русский язык
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Новосибирск
2006

Работа выполнена на кафедре теории коммуникации, русского языка и риторики ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет».

Научный консультант – доктор филологических наук, профессор
А.А. Чувакин

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук профессор Т.А. Колосова,

доктор филологических наук профессор А. Н. Ростова,

доктор филологических наук профессор Е.А. Стародумова

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Защита состоится **21 декабря 2006 г.**, в _____ час., на заседании диссертационного совета Д 212.172.03. по защите диссертаций на соискание доктора филологических наук в Новосибирском государственном педагогическом университете (630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Новосибирского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан .. ноября 2006.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

Е.Ю. Булыгина

Общая характеристика работы

Реферируемая работа посвящена метатексту и выполнена на стыке лингвистики текста, семантического синтаксиса, пунктуации и теории лексикографии.

В современных гуманитарных исследованиях особое место занимает проблема самопознания человека, постижения себя, своих поступков, в том числе и речевых. Эти вопросы важны для человека не только в личном, но и в социальном плане, потому что связаны с преобразованием жизни людей, с влиянием на них. Поскольку язык есть феномен, созданный человеком: Говорящий обращает внимание на номинацию своего «Я» в лексико-фразеологической системе языка (Г.И. Берестнев), на речевые акты самооценки (Т.А. Трипольская), на метатекст в тексте, или рефлексии собственного речевого поведения, (А. Вежбицка и др.) и т.д., – видится перспективным лингвистическое изучение рефлексии человека.

Объектом настоящего исследования является речевая рефлексия Говорящего по поводу собственного речевого поведения, которую он в полной мере воплощает в тексте как продукте коммуникативно-речевой деятельности. Речевая рефлексия рассматривается как наблюдение Говорящего над собственной речевой деятельностью, в том числе над употреблением им слова или высказывания, и репрезентация его вербальными знаками или знаками других коммуникативных систем, например: *Вы невеста Мещерского, приехали к нему, и, когда он вернется, состоится так называемая свадьба* (В. Каверин); *Вратарь «Локомотива» при содействии одноклубников пропустил столько голов, сколько влетает в его ворота примерно за три месяца – говоря языком бухгалтеров, квартал* (Изв. 2002. № 195); *Не этот ли пережиток вызвал к жизни болельщицкий ...наверное, вой (иное слово трудно подобрать) после первого контрольного матча нашей хоккейной сборной с Германией* (Спорт-экспресс. 2004. № 169).

Исследование, выполненное в русле одного из современных направлений теории текста, объектом которой, как отмечает А.А. Чувакин, является коммуникативная деятельность человека посредством текста, опирается на коммуникативно-прагматическую модель текста. Он интерпретируется в работе как органичное целое с позиции Говорящего, которое включает обязательно два компонента – базовую часть, содержащую основную информацию высказывания, и метатекст, или комментарий языковых, пространственно-композиционных и других особенностей текста. Таким образом, **предметом исследования** является метатекст как совокупность языковых и других семиотических средств, представляющая собой в целом метатекстовый компонент текста. Следовательно, в работе термин *метатекст* употребляется в двух значениях: 1) как семантическая квалификация высказывания (в широком и узком значении), отражающая его интеллектуальную обработку в аспекте речевой рефлексии Говорящим относительно плана выражения текста и оформляющаяся с помощью

вербального или невербального знака; 2) как компонент текста, который представляет собою множество вербальных и невербальных знаков, передающих рефлексию Говорящего относительно особенностей собственного речевого поведения (его манеры, логики изложения, структурирования высказывания, перехода от одной части к другой, ранжирования информации по степени значимости, выбора используемой лексики и ее интерпретации).

Актуальность темы исследования определяется ее перспективностью в решении целого комплекса теоретических задач, в том числе по теории текста, семантическому синтаксису, лексикографии. Тем более что сведения о метатексте, накопившиеся в филологии почти за 30 лет (начиная с А. Вежбицкой, А. Поповича), нуждаются в систематизации. Необходимость его исследования обусловлена, во-первых, фрагментарностью изучения субъективного, и метатекста в частности, в высказываниях текста, а во-вторых, «неопределенностью», размытостью границ языкового материала, на котором базируются лингвистические исследования метатекста, и множественностью интерпретаций понятия *метатекст* в современной лингвистике, не создавших к настоящему времени целостной теории метатекста. Отдельные сведения по метатексту встречаются в **структурно-семантических** исследованиях, в разделе вводных слов или союзов (В.В. Виноградов, Н.С. Валгина, Н.Ю. Шведова, Н.И. Шайдуллина, Ю.И. Леденев, В.В. Бабайцева и Л.Ю. Максимов, А.Ф. Прияткина и др.). Последние 30 лет метатекст изучается в следующих направлениях: в **функциональном** (Т.Я. Андрющенко, Н.К. Рябцева, В.А. Шаймиев, Я.А. Чиговская), **текстоцентрическом** (W.J. Vande Kopple, В.А. Шаймиев, Ю.М. Бокарева, Н. Турунен), **семантическом** (Т.В. Шмелева, М.В. Всеволодова, Н.К. Рябцева), **функционально-стилистическом** – преимущественно на научном тексте (В.А. Шаймиев; Я.А. Чиговская, Е.А. Баженова), **антропоцентрическом** (Т.В. Шмелева, Ю.Д. Апресян, М.В. Ляпон, В.А. Шаймиев, Б.Ю. Норман, Е.Л. Гинзбург, А.Н. Ростова, И.Т. Вепрева). В рамках последнего направления предметом исследования были отдельные фрагменты лексико-фразеологического пласта метапоказателей (Т.В. Шмелева, М.А. Мартин Лосано, В.А. Шаймиев, И.Т. Вепрева, Н.П. Перфильева). Однако, несмотря на разноплановые исследования по метатексту, его теория представляет собою фрагментарную картину, с большим количеством лакун.

Хотя за три с лишним десятилетия существования лингвистики текста как особой дисциплины создано много работ по разным аспектам теории текста, предложены даже концепции, тем не менее тема реферируемой работы актуальна, поскольку теория метатекста естественным образом связана с такими дискуссионными проблемами лингвистики текста, как количество и состав текстовых категорий, языковая организация текста не только в статическом, но и динамическом аспектах, – а следовательно, «вписывается» в текстообразование, «специфическую отрасль именно русской версии лингвистики текста» (М.Я. Дымарский). Необходимость данного исследования обусловлена тем, что в современных программах школьного преподавания

лингвистических курсов прочное место занимает раздел «Текст», усиливается текстовый подход и в преподавании русского языка, однако при этом отсутствует терминологическая строгость в употреблении слова *текст*, границы понятия размыты, не вводятся некоторые важные понятия, связанные с данным феноменом и необходимые для осознанного (не интуитивного) создания коммуникативно целесообразного речемыслительного произведения, и, как следствие, недостаточно обсуждаются вопросы текстообразования, отсутствует осознанный отбор дискурсивной лексики, которую важно освоить при изучении лингвистических и риторических курсов. Все это обусловлено недостаточной теоретической базой данных курсов.

Диссертационное исследование включено в контекст современных антропоцентрических исследований, ориентированных на человека Говорящего, а в связи с этим обращено к проблематике семантического синтаксиса (устройство модуса, состав модусных категорий), коммуникативной лингвистике (коммуникативность и соотношение текстовых категорий), к лексикографической прагматике (типология прагматических компонентов в значении слова).

И, наконец, поскольку в русистике отсутствует словарь метапоказателей, а лексикографическая информация о метаэлементах случайна и фрагментарна, тема диссертации звучит актуально и в контексте современных исследований по проблемам лексикографической параметризации, соотношения семантической и прагматической информации в содержательной структуре дискурсивной словарной единицы, способов отражения и глубины представления прагматической информации в словаре, типологии лексикографических помет, разработки словарей интегрального и активного типа, создания проектов словарей по дискурсивным словам. Своевременность создания такого словаря определяется задачей создания «лексикографических портретов» метапоказателей, что отражает общую тенденцию современной лексикографии к интегральному комплексному описанию словарной единицы, и тем, что на рубеже тысячелетий изданы такие аспектные словари, как «Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову» Р.П. Рогожниковой, «Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова» (М., 1997), «Словарь служебных слов русского языка» (Владивосток, 2001), «Толковый словарь служебных частей речи русского языка» Т.Ф. Ефремовой и коллективная монография «Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания».

Заявленная тема требует осмысления предмета исследования в аспекте соотношения, взаимодействия современных парадигм лингвистического исследования, обусловленных человеческим фактором в языке. Поэтому в данной работе реализован полипарадигматический подход к метатексту, в исследовании которого приоритетным является антропоцентрический подход, соединяются и взаимодействуют тексто– и словоцентрические парадигмы, что обеспечивает продуктивность его изучения.

Цель диссертации состояла в разработке концепции метатекста как компонента целого текста и как особого лексикографического феномена.

Данная цель предопределила следующие **задачи**:

- 1) на базе аналитического обзора основных концепций метатекста в современной филологии выработать свою и, установив его дифференциальные признаки, определить ее место в рассмотренном ряду;
- 2) выявить и систематизировать средства выражения метатекста в различных формах текста, определить факторы, вызывающие взаимодействие средств разных коммуникативных систем между собой;
- 3) обосновать его статус как модусной категории на фоне смежных категорий, применяя оппозитивный метод, и определить зоны взаимодействия метатекста с другими модусными категориями и с диктумом;
- 4) охарактеризовать функции метапоказателей в коммуникативной ситуации, в тексте;
- 5) определив дифференциальные признаки текста, эксплицируемые метатекстом, описать динамические отношения, возникающие между метатекстовым и базовым компонентами текста с учетом механизма взаимодействия выделенных видов текстовых категорий между собой;
- 6) охарактеризовать состояние лексикографической освоенности метапоказателей в современной русской лексикографии;
- 7) представить концепцию универсального словаря вербальных метапоказателей, имеющего на основе многоаспектного исследования метатекста как компонента текста обоснованный набор лексикографических параметров для разных лексикографических типов метаэлементов.

Материал и источники. Эмпирической базой исследования является сплошная выборка, которая содержит более 7000 текстовых фрагментов различной протяженности, извлеченных из газетных, художественных, научно-популярных, научных текстов XIX–XXI вв., из звучащих текстов телепередач, кинофильмов, также использовались записи публичной и разговорной речи. Такой подход к отбору материала для диссертации диктуется приоритетом антропоцентрического принципа исследования и целью работы – потребностью в максимально полном наборе вербальных и невербальных показателей метатекста. Обращение к материалу разных функциональных стилей объясняется лакунами в исследовании метатекста с функционально-стилистической точки зрения: как уже отмечалось, изучение в данном аспекте метатекста преимущественно было связано с научным текстом.

Объем эмпирического материала обусловлен сложностью разграничения семантико-функциональной специфики метатекста и таких категорий субъективного, как авторизация, ментальный модус, искренность и осторожность; а также синкретичной природой многих вводных элементов.

Методы исследования. Многоаспектное изучение метатекста обусловило использование комплекса методов и методик, обеспечивающих приоритет антропоцентрического принципа исследования. Антропоцентризм как особый

принцип исследования «обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели. Он знаменует, иными словами, тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования» (Е.С. Кубрякова). Поэтому, кроме лингвистического описания, были использованы контекстный, семантический и прагматический анализ (с учетом параметров речевой ситуации). В рамках системного и функционального подходов применялись оппозитивный, дефиниционный, полевой, дистрибутивный, трансформационный и компонентный анализ, элементы статистического метода. Важную роль в построении концепции и особенно в лексикографировании сыграл лингвистический эксперимент, на важность применения которого при исследовании живого языка указывал Л.В. Щерба. При определении уровня текстовой компетенции Говорящего, образа текста в языковом сознании русского лингвокультурного коллектива по множеству вербальных метапоказателей использовался прием реконструкции.

Положения, выносимые на защиту.

1. Любой текст обладает метатекстовым потенциалом, который может быть развернут полностью, частично либо не развернут совсем, что зависит от человеческого фактора: а) от текстовой и лингвистической компетенции Говорящего, б) от его способности к речевой рефлексии и в) от его склонности к заботе об интересах Адресата.

2. Метатекст как модусная категория выражает речевую рефлексия Говорящего относительно собственного речевого поведения и оформляется вербальными и паралингвистическими средствами, не только вступая в оппозитивные отношения с модусными категориями: авторизацией, искренностью, осторожностью, ментальным модусом, – но и имея также область пересечения с ними, что реализуется в синкретичных языковых средствах.

3. В идеале языковая личность владеет иерархически организованной системой изофункциональных средств выражения метатекста, в которой вербальные показатели а) в зависимости от своей языковой природы (высказывание, словосочетание, служебное слово) представляют собой элементы разной степени развернутости метатекста, б) будучи ядерными, коррелируют с просодическими, кинетическими, собственно пунктуационными, шрифтовыми, композиционно-пространственными, цвето-световыми, анимационными средствами и взаимодействуют с ними.

4. Коммуникативность как наиважнейший признак текста проявляется в диалогических отношениях Говорящего с собственным текстом, которые складываются под воздействием альтруистического и/или эгоцентрического факторов либо когнитивного преодоления собственных рече-ментальных затруднений и эксплицируются с помощью метапоказателей, синкретичных по природе в прагматическом плане (будучи эгоцентрическими элементами языка, в то же время выражают в тексте мысль об Адресате речи), а также

синтаксических явлений (вставок, пояснительных и квази-пояснительных конструкций). Коммуникативность (интенции Говорящего, его постоянная ориентированность на Адресата, на ситуацию общения, желательную или нежелательную) обуславливает конструктивные, линейные и линейно-деструктивные, структурно-иерархические динамические отношения между компонентами связной речи и текста.

5. По динамическим взаимоотношениям метатекстового и базового компонентов текста создается существующий в сознании Говорящего образ текста (который адресант в силу своей текстовой и коммуникативной компетенции с помощью метапоказателей воплощает в речемыслительном произведении в виде метатекстового каркаса и в комментарии по поводу линейно-деструктивных, конструктивно-деструктивных отношений в тексте, явлений его аструктурированности); а по корпусу текстов, содержащих развернутый метатекст, реконструируется представление о тексте, существующее в языковом сознании данного лингвокультурного коллектива, как о феномене, который обладает связностью, линейностью и структурно-иерархическими отношениями между его компонентами (имеющими составляющие – отношения членимости, иерархические, завершенности, целостности).

6. С функциональной точки зрения метапоказатели неоднородны и по природе полифункциональны: все они выполняют семантические, коммуникативно-прагматические, когнитивную функции, а, кроме того, метапоказатели-скрепы – формальную (эксплицируя такие текстовые категории, как структурированность, линейность, связность двух типов: линейную и радиально-линейную).

7. Концепция антропоцентрического универсального интегрального словаря метапоказателей активного типа строится как научное описание фрагмента прагматической лексико-фразеологической системы русского языка, репрезентирующей метатекст как компонент текста. Словарь содержит разные варианты словарных статей, объединенных одинаковым набором обязательных гетерогенных зон и лексикографических параметров и различающихся набором необязательных зон и параметров описания, на основании чего выделены лексикографические типы метапоказателей.

Научная новизна работы состоит в том, что разработана концепция метатекста, которая определяется выбором эмпирического материала, с одной стороны, и строится на взаимодействии антропоцентрической, текстоцентрической и словоцентрической парадигм исследования, с другой. В диссертации впервые рассматриваются некоторые вербальные средства как метаэлементы, а также в материал исследования включены не только вербальные, но и паралингвистические метаэлементы и между ними выявлены системные отношения. Полипарадигмальный подход к исследованию позволил а) рассмотреть феномен *текст* под углом зрения метатекста, отражающего речевую рефлексию Говорящего, б) разработать концепцию универсального

интегрального словаря вербальных метапоказателей и создать его значительный фрагмент.

В силу антропоцентрического характера современной лингвистики одним из центральных понятий исследования является текстовая компетенция Говорящего. Благодаря подходу к тексту через призму метатекста уточнен перечень текстовых категорий, впервые предпринято исследование взаимоотношений метатекстового и базового компонентов текста как целого, реконструируется образ текста, который существует в языковом сознании Говорящего, а опосредованно данного лингвокультурного коллектива. В результате соединения антропоцентризма с системным подходом открыт список модусных категорий пополнен новыми; интерпретация метатекста как модусной категории строится на оппозициях: метатекст – авторизация, метатекст – ментальный модус, метатекст – искренность, метатекст – осторожность; выделены языковые и ситуативные прагматические компоненты в семантике метаэлементов.

В работе реализован полевой подход при описании всех средств выражения метатекста и других модусных категорий, текстоцентрическая парадигма развивает синтаксическое учение о вставках в синтаксисе (введено понятие текстовой вставки, построена типология вставок).

При представлении концепции словарь введено определение зоны словарной статьи и описано виды соотношений зоны словарной статьи и лексикографических параметров словарной единицы.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что результаты исследования вносят определенный вклад в разработку ряда теоретических проблем современной лингвистики. Работа полезна лингвистике текста: с прагматической позиции выделен набор дифференциальных признаков текста; вводятся понятия *метатекстовый каркас текста*, *рельеф текста*; углубляется представление о текстовой компетенции Говорящего.

Данное исследование является очередным подтверждением эффективности принципа системности в науке, реализация которого при соединении с новыми подходами дает новое знание: представлено системное описание метатекста, который рассматривается как компонент текста, тесно спаянный с его базовой частью; метатекст как модусная категория вписывается в модус; разные по природе метапоказатели представлены как система изофункциональных средств, имеющая полевую организацию; с текстоцентрической позиции создана типология всех вставок не на формально-семантическом, а на функционально-семантическом критерии; дополнен перечень прагматических компонентов в содержательной структуре слова; определено соотношение лексикографической зоны и параметров описания словарной единицы. Самостоятельную ценность для синтаксической теории представляют обоснование статуса метатекста как модусной категории на основе оппозитивного подхода, дефиниции не только метатекста, но и ментального модуса, искренности, осторожности, которые развивают теорию смысловой организации высказывания.

Работа вносит вклад в теорию лексикографии, поскольку проект словаря демонстрирует возможности системного соединения многоаспектной лингвистической информации, связанной с разными ярусами языка, с одной стороны, и соединяющей антропоцентрический, словоцентрический и текстоцентрический подходы в исследовании лексики, с другой.

Результаты исследования являются важными для развития междисциплинарных связей между теорией пунктуации, семиотикой и лингвистикой: в коммуникативно-прагматическом и системном аспектах рассматриваются отношения между лексическими, интонационными, пунктуационными и кинетическими средствами выражения метатекста.

Практическая ценность полученных результатов исследования состоит в использовании их в преподавании современного русского языка, теории текста, стилистики, в разработке теории обучения связной речи, при построении риторических курсов. Концепция словаря метапоказателей, а также словарные материалы могут быть использованы при создании как толковых, так и аспектных словарей активного типа.

Внедрение результатов исследования. Основные положения диссертации получили **апробацию** на **Международном конгрессе** исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 2001), на **Международном симпозиуме**, посвященном 200-летию со дня рождения В.И. Даля «От словаря В.И. Даля – к лексикографии XXI века» (Владивосток, 2002); на **международных конференциях**: «Лингвокультурологические проблемы толерантности» (Екатеринбург, 2001), научно-методической «Русский язык: вопросы теории и инновационные методы преподавания» (Иркутск, 2001), «Коммуникативистика в современном мире: человек в мире коммуникаций» (Барнаул, 2005); на **Всероссийских** научных конференциях: «Речеведение в прикладном и теоретическом аспектах» (Новосибирск, 1998), «Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе» (Екатеринбург, 2002), «Русский синтаксис: новое в теории, методике, объекте» (Барнаул, 2002); научно-практической «*Русский язык и культура речи* как дисциплина государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: опыт, проблемы, перспективы» (Барнаул, 2003); на **Герценовских чтениях** (Санкт-Петербург, 2002), на всех **Филологических Чтениях** (Новосибирск 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005), на заседании кафедры русского языка, риторики и стилистики Алтайского государственного университета (Барнаул 2002). По теме опубликовано 36 работ, в том числе одна научная монография и два учебных пособия.

Некоторые результаты исследования внедрены в преподавание курсов синтаксиса, лингвистической организации текста, курса «Пунктуация в семиотическом и коммуникативно-прагматическом аспектах», «Актуальные проблемы русистики» на филологическом факультете ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», что

фрагментарно отражено в двух учебных пособиях; в школьных курсах риторики и русского языка МОУ СШ № 98 г.Новосибирска.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения в виде материалов к словарю вербальных метапоказателей.

Содержание работы

Первая глава «Метатекст как предмет исследования» начинается с того, что в ней анализируются понятия, на которых базируется предлагаемая концепция метатекста: текст, высказывание, речевое и коммуникативное поведение.

Термин *высказывание* употребляется в диссертации как в узком (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Е.Н. Ширяев, П. Сгалл, Н.Ю. Шведова и др.), так и в широком («фрагмент текста или текст») значении, под влиянием работ М.М. Бахтина.

Текст, как всякий сложный объект, изучается в разных аспектах, и вопрос об определении этого понятия остается до сих пор дискуссионным. Поскольку целью второй главы диссертации является осмысление феномена *текст* с «позиции» метатекста, то в первой главе как рабочее введено определение текста, которое уточняется во второй главе.

В первой главе диссертации этот термин употребляется в узком смысле и обозначает содержательно и структурно целостный, законченный, связный и автономный отрезок речи (И.Р. Гальперин, С.Г. Ильенко, Т.В. Матвеева, Т.М. Николаева и др). В результате анализа основных концепций текста в современной лингвистике были отмечены особенности подхода к изучению текста этого феномена в данной работе.

Вслед за Д. Фивегером, О.И. Москальской текст рассматривается комплексно в статическом и динамическом аспектах, поскольку важны как сущностные характеристики текста как организованной структуры (И.Р. Гальперин, Л.А. Черняховская, С.Г. Ильенко и др.), так и признаки текста и отношения его компонентов, обусловленные коммуникативностью (Т.М. Николаева, В. Дресслер, М. Пфютце, Ю.А. Сорокин, Г.Я. Солганик, Г.В. Колшанский, Е.В. Сидоров, О.Л. Каменская, Н.С. Болотнова, А.А. Чувакин и др.). Однако в работе акцентируется внимание на коммуникативном, динамическом аспекте изучения речемыслительного произведения: оно рассматривается с позиций деятельностного подхода (Х. Изенберг, А.И. Новиков), как коммуникативная единица, создаваемая цепочкой разделенных во времени речевых действий, поскольку «текст выступает в процессе своего движения – от замысла к произнесению, движения, которое осуществляется в коммуникативной ситуации во имя слушающего» (А.А. Чувакин). Коммуникативный подход к тексту всегда предполагает обращение к человеческому фактору, так как коммуникант реализует себя в тексте (П. Гартман, В. Дресслер, Ю.Н. Караулов, А.А. Чувакин). В рамках антропоцентрической парадигмы текст исследуется не только в

коммуникативном (Т.М. Кумлева, Г.А. Золотова и др.), но и когнитивном (М.Я. Дымарский, В.А. Шаймиев) направлениях. При сопряжении обоих подходов текст предстает как единство коммуникативной и ментальной деятельности (А.А. Чувакин), как *рече-мыслительное* произведение, что и эксплицирует его метатекстовый компонент. В настоящей работе приоритетным является коммуникативный подход к тексту, но поскольку текст – это вербальная форма существования **рече-мыслительного** произведения, то коммуникативная деятельность Говорящего исследуется с опорой на ментальную.

В современной лингвистике феномен текст интерпретируют и как сознательно организованную речь (И.Р. Гальперин и др.), но и как реальную реализацию речевого замысла Говорящего (О.И. Москальская, Т.В. Матвеева, О.Б. Сиротинина, Т.М. Николаева; Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова; М.Я. Дымарский, М.В. Всеволодова, А.Ф. Папина, А.А. Чувакин и др). В реферируемой работе отражена вторая позиция, поскольку она, во-первых, включает в себя первую, во-вторых, отражает динамический подход к тексту и, в-третьих, речемыслительное произведение рассматривается как явление письменной и устной речи. Однако эмпирическая база данного исследования включает преимущественно письменные тексты или их фрагменты, потому что они часто имеют более сложную формальную организацию, чем устные, и в них шире диапазон используемых средств разных семиотических систем. Записи же устной речи привлекались, потому что под углом зрения данного исследования можно говорить о влиянии письменного текста на устный.

Обращение в диссертации к понятиям *высказывание* и *текст* обусловлено тем, что в ней, вслед за М.Я. Дымарским, выделяются два вида вербальной коммуникации: *репликовую* (обмен высказываниями-репликами) и *текстовую* (обмен текстами). А одна из характеристик общения – речевое поведение коммуникантов.

Речевое поведение трактуется в работе вслед за Т.Г. Винокур как совокупность речевых поступков, определяемых закономерностями употребления языка в речи и социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности, и рассматривается как один из компонентов *коммуникативного поведения*, поскольку последнее есть совокупность поступков, осуществляемых с помощью всех средств коммуникации, которые используются в соответствии с нормами и традициями общения определенного лингвокультурного коллектива людей. Вариант коммуникативного поведения адресанта обусловлен не только особенностями языковой личности Говорящего, экстралингвистическими параметрами коммуникативной ситуации, но и образом адресата (фактор Адресата) в сознании Говорящего, присутствием и прогнозируемой реакцией наблюдателей как участников коммуникации.

Коммуникативное поведение Говорящего может быть как осознанным, так и неосознанным. Осознанное коммуникативное поведение Говорящего есть совокупность его коммуникативных поступков, базирующихся на

эффективном, по мнению адресанта, языковом или другом семиотическом коде. В полной мере эффективное осознанное речевое поведение реализуется в тексте, в том числе и во введении в речемыслительное произведение метатекста (при порождении высказывания намеренно комментирует свое произнесенное слово, композиционно-смысловую организацию создаваемого текста). Обычно Говорящий сначала учится реализовывать свой коммуникативный опыт и выражать речевую рефлексию в подготовленном, заранее обдуманном тексте, а позднее – может воплощать метатекст автоматически, иногда даже в тексте-экспромте. Эффективность речевого поведения в существенной степени зависит от того, накапливаются ли в памяти Говорящего уроки его собственной речевой рефлексии, позволяет ли ему ее эксплицировать текстовая и семиотическая (в том числе лингвистическая) компетенция. Под *семиотической* компетенцией понимается владение семиотическими системами (язык, пунктуация, язык жестов и т.д.). Текстовая компетенция – это совокупность представлений, знаний из разных гуманитарных наук, навыков, которые отражают образ текста, сложившийся в сознании лингвокультурного коллектива, и обеспечивают порождение речевого, художественного произведения как иерархически упорядоченного целого в соответствии с замыслом Говорящего. Она опирается на семиотическую компетенцию, которая включает в себя лингвистическую.

Далее в главе сделан обзор основных концепций метатекста в современной филологии. Хотя понятие *метатекст* «многолико», имеет различное толкование в семиотике, литературоведении, лингвистике, но большинство филологов опираются на идеи М.М. Бахтина (Ю.М. Лотман, А. Попович, А. Вежбицка и др.). Обе интерпретации метатекста в литературоведении и теории текста – и как «текст в тексте», и как «текст о тексте» (Ю.М. Лотман, В.А. Лукин, Н.А. Кузьмина, Г. Денисова и др.) – мотивированы иноязычным элементом *мета-* (от греч. *meta* – «после, за, позади»). Разнообразные толкования понятия *метатекст* в современной лингвистике заданы статьей А. Вежбицкой (во многом определившей перспективное направление развития лингвистики текста). Это объясняется рядом причин: 1) отсутствием дефиниции метатекста в статье и неоднозначностью интерпретации понятия по данному в статье описанию (ориентированность на обоих участников коммуникативного акта или только на адресанта); 2) в некоторых случаях непоследовательностью А. Вежбицкой в подборе иллюстративного материала (тем более что интерпретации многих грамматических фактов существенно различаются в 70-е годы XX в. и в начале XXI в.); 3) фактором субъективного восприятия самого исследователя, который выступает в качестве интерпретатора статьи.

Различные толкования понятия *метатекст* иногда обусловлены смешением понятий *интерпретация* и *речевая рефлексия*, которые не совпадают по объему. *Речевая рефлексия* – это ментальная деятельность Говорящего относительно своего речевого поведения или его составляющих, выраженная вербально или знаками других коммуникативных систем,

например: *Ах да. Не знаю, как бы это выразить покороче. Видите, мы всё больше углубляемся... Тут весь край в брожении. Мы скоро приедем. Неизвестно, что застанем у цели. На всякий случай надо бы сговориться. Я не об убеждениях. Было бы нелепостью выяснять или устанавливать их в пятиминутной беседе в весеннем лесу. Мы втроем, вы, я и Тоня, вместе со многими в наше время составляем один мир, отличаясь друг от друга только степенью постижения. Я не об этом. Это азбука. Я о другом. Нам надо уговориться заранее, как нам вести себя при некоторых обстоятельствах, чтобы не краснеть друг за друга и не накладывать друг на друга пятна позора* (Б. Пастернак). *Интерпретация* – это субъективная разноаспектная (содержание высказывания, форма высказывания, выбор лексики), иначе – оценочная, деятельность Адресата высказывания или наблюдателей коммуникативного акта, или представление, расшифровка коммуникативного замысла Говорящего им самим или другими участниками речевого акта на основе имеющихся у них знаний, например: – *Довольно. Я понял. Мне нравится твоя постановка вопроса. Ты нашёл именно нужные слова. Вот что я скажу тебе. Помнишь ночь, когда ты принёс листок с первыми декретами, зимой в метель. Помнишь, как это было неслыханно безоговорочно. Эта прямолинейность покоряла. Но такие вещи живут в первоначальной чистоте только в головах создателей и то только в первый день провозглашения. Иезуитство политики на другой же день выворачивает их наизнанку* (Б. Пастернак).

Различные толкования *метатекста* в некоторых случаях связаны также и с координатой сфера действия метапоказателя (макротекст, текст, часть высказывания-предложения). По этому параметру широкий подход к метатексту сформировался под влиянием литературоведения (Н.К. Рябцева, В.А. Шаймиев, Ю.М. Бокарева). В.А. Шаймиев, рассматривая метатекст как вторичный текст, делит его на иннективный (метатекстовые структуры вплетены в базовый текст) и на сепаративный (метавысказывание композиционно отделено от базового текста и оформлено как комментарии, предисловия, речевые целые под названием «От авторов», «От редакции», «От составителей», аннотации, примечания, сноски и пометки на полях). Сторонники узкого подхода (М.В. Ляпон, Б.Ю. Норман, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелёв, А.Н. Ростова, И.Т. Вепрева), опираясь на мысль М.М. Бахтина о диалогических отношениях Говорящего с собственным словом, выбирают объектом метакомментирования слово или фразеологизм в следующих аспектах: его метафорическое или буквальное употребление, языковые достоинства предлагаемой вербализации, его стилистические свойства, его место в языковом коде – стандартность/ нестандартность и т.п., – степень соответствия используемой лексической и фразовой номинации сущности обозначаемого, например: *Я понял его: бедный старик, в первый раз от роду, может быть, бросил дела службы для собственной надобности, говоря бумажным языком, – и как же он был награжден!* (М. Лермонтов). В данном случае метатекст представляется эксплицированным проявлением метаязыкового сознания (Т.В. Булыгина и

А.Д.Шмелёв; А.Н. Ростова) с помощью «разнообразного комментария к выбору слова» (Б.Ю. Норман), развёрнутого подчас носителями языка до уровня суждения о языке, которое зафиксировано в графической, аудио- или видеозаписи (А.Н. Ростова).

В настоящем исследовании метакомментирование слова, иначе языкового кода высказывания, рассматривается как один частный аспект речевой деятельности, к которому не сводима рефлексия Говорящего: текст считается «средой существования» метатекста. (Текст как объект речевой рефлексии «вычитывается» в работах А. Вежбицкой, Т.В. Шмелёвой, М.В. Всеволодовой.)

Коммуникативно-прагматический взгляд на речемыслительное произведение как **единое целое** с позиции Говорящего позволяет увидеть место в нем метатекста. Метатекст существует только в тексте и не может быть автономным: изъятый из текста, он становится непонятным, рассыпается на отдельные, дискретные единицы (слова, фразеологизмы, словосочетания, предикативные единицы). В структуре текста его смысловые составляющие – **базовый** и **метатекстовый компоненты** – представляют собою бинарную оппозицию, с одной стороны, и вступают в дополнительные отношения, с другой. Эти компоненты противопоставлены как содержание и форма: базовая часть текста отражает фактографическую (сообщение о фактах, событиях, процессах, происходящих или происходивших в окружающем мире) и субъективно-концептуальную (сообщение об индивидуально-авторской интерпретации отношений между описанными явлениями, их значимости, самого содержания высказывания) информацию; а метатекстовый компонент передает речевую рефлексия Говорящего по поводу коммуникативно целесообразной организации передачи базовой информации. Автор высказывания – это редактор, который «обработал» базовый текст в той или иной мере, внося в него свои ремарки, например: *Вообще-то я считаю себя сильным человеком без кавычек. Не улыбайтесь скептически, не надо, прошу. Я даже тот год не отношу к проявлению, как принято говорить, к слабости духа. Он мне, если хотите, был необходим. Чтобы в себе разобраться. А главное – развеять иллюзии относительно «вольницы», которой сполна хлебнул, до изжоги. Что денег кучу спустил – ерунда. Деньги – дело наживное. Зато совесть никак не наживешь: она или есть, или её нет* (Сов. спорт. 1988. № 294). Метатекст здесь выступает как индикатор лингвистической и отчасти текстовой компетенции Говорящего, поскольку эксплицирует, что адресант ведет диалог с каждым употребляемым словом, и, видимо, прогнозируя возможные места коммуникативного напряжения в тексте, маркирует результат рефлексии вербально или с помощью кавычек. Кроме того, он ранжирует вводимую информацию по степени значимости, чтобы избежать недопонимания, неверной интерпретации. Следовательно, и метатекст, и базовый компонент текста дополняют друг друга.

Любой текст обладает метатекстовым потенциалом, который может быть развернут полностью, частично либо не развернут совсем, что зависит от человеческого фактора: 1) от текстовой и лингвистической компетенции

Говорящего, 2) от его способности к речевой рефлексии и 3) от склонности к заботе об интересах Другого, то есть Адресата.

Текст с *эксплицитным метатекстом*, *развернутым полностью* при условии коммуникативной целесообразности, является в определенном смысле слова хорошо организованным, потому что в нем каждое высказывание и каждая номинация выступает как часть целого. Безусловно, степень развернутости в тексте метатекста зависит от текстовой и лингвистической компетенции Говорящего, а также от его способности Говорящего к речевой рефлексии и заботе об интересах Другого, то есть Адресата. Например, в контексте *Включение Путина в антитеррористическую кампанию США позволило ему внести чеченских повстанцев в категорию террористов, следовательно, он получил свободу рук, с тем чтобы сломить их. Отказавшись от переговоров с боевиками, **впрочем**, у него и не было другого выхода, Путин продемонстрировал соотечественникам свою способность восстановить порядок в стране. С другой стороны, он показал внешнему миру, и в первую очередь Вашингтону, что он по убеждению искренне присоединился к всеобщему походу против терроризма. **Более того**, попросив прощение у россиян за то, что за восстановление порядка пришлось заплатить высокую цену (он уже так поступал после трагедии «Курска»), российский президент доказал, что он руководитель, который осознает всю тяжесть лежащей на нем ответственности, а следовательно, и вины за гибель людей. Его статус государственного деятеля, его авторитет в результате трехдневного кризиса только возросли* (Труд. 2002. № 198) метатекстовый потенциал реализован не полностью. Автор, например, не счел необходимым ввести метапоказатель **как говорится** со значением «использую стандартную номинацию, своего рода штамп» перед выражением *всеобщему походу против* или эксплицировать с помощью вербальных метаэлементов **словом, итак, таким образом** последнее предложение сложного синтаксического целого как заключительное, содержащее вывод, обобщение.

В результате трансформационных преобразований – элиминации всех метапоказателей – получаем высказывание, которое в прагматическом плане можно интерпретировать либо как **текст с имплицитным метатекстом**, либо как базовый компонент текста.

В тексте с *имплицитным метатекстом* информация о речевой рефлексии Говорящего извлекается с опорой на паралингвистические знаки. Текст с невыраженным метатекстом, по мнению Т.В. Шмелевой, является нормативным для русского языка и «соответствует стандартам речевого общения». На наш взгляд, речемыслительное произведение с *неразвернутым метатекстовым потенциалом* (при высокой текстовой и семиотической компетенции Говорящего) теоретически возможно, но лишено авторской индивидуальности, в нем нет отклонений от норм текстообразования (линейные, конструктивные, структурно-иерархические отношения между высказываниями) и все лексические единицы употребляются или в прямом значении, или стандартно. Однако даже в случае стандартного текста

лингвистическая компетенция Говорящего часто реализуется в каком-нибудь метапоказателе, эксплицирующим языковой вкус, предпочтения и т.д. Говорящего, например: *В прошлом веке в грудь впрыскивали жидкий парафин и даже вводили кожно-жировые трансплантаты, взятые, скажем аккуратно, у других людей* (Популярная механика. 2006. № 9).

Базовый компонент текста без метатекстовой рамки в диссертации рассматривается как потенциальный текст с прагматической точки зрения, поскольку он не актуализирован, не адаптирован к коммуникативной ситуации, конкретной или предполагаемой, не подвергся саморедактированию.

В последующих параграфах первой главы метатекст описывается как модусная категория в функциональном плане: от семантики категории – к средствам выражения разных уровней языка и других коммуникативных систем.

Модус рассматривается в диссертации, вслед за Т.В. Шмелёвой, как комплекс обязательных и необязательных семантических категорий, с помощью которых Говорящий выражает свое отношение к описываемой ситуации (или событию), к информации о них, к Адресату, к высказыванию как речевому произведению, а также к собственному речевому поведению. Обращение в диссертации к проблеме статуса метатекста как особой модусной категории объясняется тем, что при интерпретации и метатекста, и при определении модусных категорий (Н.К. Рябцева) или модуса в целом (М.И. Черемисина и Т.А. Колосова) как ключевое слово употребляется «многоликий» термин *рефлексия*. Если рефлексия, по М.И. Черемисиной и Т.А. Колосовой, есть «осознание субъективного отношения к высказыванию и вербализация этой работы сознания», то в диссертации акцентируется внимание только на одном аспекте рефлексии – место высказывания в тексте, план языкового выражения мысли.

Модус-потенциал любого текста включает метатекстовый потенциал, который, как отмечалось, может быть эксплицитным, а может представлять собою «незаполненную рамку» в случае, если Говорящий реализует право не эксплицировать метатекст (то есть проявлять эгоцентризм в прямом значении этого слова), что означает «я не комментирую свое речевое поведение». Следовательно, метатекст – это обязательная модусная категория.

В связи с тем что набор модусных категорий в работах разных авторов варьируется (В.А. Белошапкина, Т.В. Шмелёва, М.В. Всеволодова и др.), список их открыт из-за сложности самого описываемого объекта и разнообразия его грамматических концепций (В.Г. Гак), в диссертации определяются границы метатекста в сопоставлении с известной (авторизация) и малоизученными (ментальный модус, искренность и осторожность) модусными категориями.

Общей базой для сопоставления метатекста и других модусных категорий служит субъективность, точнее эгоцентричность, а различие между модусными категориями сводится к тому, **какой аспект** рефлексии выбирает Говорящий. Оценка Говорящим полноты/неполноты своих знаний о достоверности

сообщаемой информации (персуазивность), квалификация сообщаемой информации в плане «свое/чужое слово» (авторизация), эмоциональный/неэмоциональный способ подачи информации (эмоциональность), аксиологическая оценка сообщаемого или его части (оценочность), экспликация социальных отношений, реальных или демонстрируемых, между Говорящим и Адресатом – вот далеко не полный круг значений модусных категорий. Между тем основные значения метатекста – характеристики, связанные с планом выражения мысли в вербальной форме: связность, линейность, структурированность, цельность текста, характеристики выбранного языкового кода в плане точности/ неточности номинации, кодифицированности / некодифицированности, наличия / отсутствия образности и т.д. Показатели большинства модусных категорий (кроме социальных) в первичной функции характеризуются только эгоцентричностью: *может быть, наверно, по-моему, по мне, наверно, по-моему, по мне, на мой взгляд*, - тогда как метапоказатели синкретичны по природе, поскольку выражают не только присутствие его Говорящего в тексте, но и мысль об Адресате речи.

Область метатекста четче обозначена на фоне смежных модусных категорий и пропозиций речевого действия. Вербальные метаэлементы состоят из ядра, или языковых средств, выражающих только рефлексию Говорящего относительно места высказывания в тексте, выбранного языкового кода и т.д., (*итак, более того, в буквальном смысле слова, что называется, иными словами, иначе говоря*) и периферии, к которой относятся синкретичные маркеры метатекста, по форме близкие к показателям других модусных категорий или диктума.

Вопрос о границах метатекста и диктума возникает в случае семантико-синтаксической квалификации обстоятельственных глагольных словосочетаний с главным словом – глаголом речи *говорить, выражать* – и зависимым компонентом, чаще всего выраженным наречием. В этом случае метапоказатель выражает речевую рефлексию Говорящего, не служит временной и модальной актуализации, является глагольным вводным элементом в предложении, главное слово в нем характеризуется неполной парадигмой (обычно деепричастие или инфинитив) и имеет более простую валентную структуру, по сравнению с глаголом-предикатом, например: *Однако позвольте, - заговорил Николай Петрович. – Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете* (И. Тургенев); *Вот и в лидерах к субботе были те, у кого, выражаясь языком грессмейстеров, всего-то и набралось, что «плюс 1»* (Спорт-экспресс. 2004. № 74). В составе метапоказателя приглагольный зависимый компонент, обычно выраженный наречием или субстантивным словосочетанием с главным словом *языком, слогом* в форме творительного падежа, несет основную смысловую нагрузку в значении метаэлемента. Глагол-предикат, будучи центром пропозиции, называет речевое действие **любого** лица, обычно направленное на объект, актуализированное в модальном и временном планах, является членом

предложения и имеет полную парадигму. Ср: *ехать же надо во что бы то ни стало, пора «приткнуть куда-нибудь свою особу», объясняет он друзьям-приятелям (он часто говорит о себе, иронизируя)* (В. Порудоминский).

Вопрос о разграничении и взаимодействии метатекста и ментального модуса является дискуссионным в связи с различной интерпретацией глаголов или глагольных оборотов типа *возвращаться, допустим, начинать, переходить к заключению, повторять, подчеркивать* и т.п. (Д. Остин, Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева, Н.К. Рябцева). Метатекст часто взаимодействует с ментальным модусом, который Н.К. Рябцева связывает с научным текстом и определяет как ментальную рефлексия Говорящего. Безусловно, Говорящий, строит научный текст в соответствии с «сюжетом», который является моделью познавательной ситуации и имеет следующую прототипическую схему: «завязка» (постановка задачи, проблемы), экспозиция (способ превращения незнания в знание: выдвижение гипотезы, ее доказательство, аргументация, выведение следствий из посылок, наличного знания и фактов); «кульминация» (выводы, результаты, итоги, значение нового знания). Однако ментальный модус может эксплицироваться и в журналистском, и в художественном тексте, в учебном дискурсе в рамках технологии развивающего обучения, например: *Теперь давайте попробуем «разложить все по полочкам». Начнем с главного – почему десятки миллионов россиян несут свои деньги именно в Сбербанк? Думаю, что многие вкладчики, особенно в глубинке, и не знают о каких-то государственных гарантиях, тем более что механизм этих гарантий на самом деле нигде не прописан. <...>. Вернемся, однако, к тезису о монополизме СБ. Хочу привести два контрдовода. Во-первых, на ряде сегментов рынка, например, депозитарных и других услуг, наша доля невелика. Значит, конкуренция здесь проявляется в полной мере. И, во-вторых, напомню, что с 1993 по 1995 год доля Сбербанка на рынке частных вкладов сократилась с 90 до 48 процентов. Выходит, сумели коллеги отобрать в те годы многих наших вкладчиков?* (Труд. 2000. № 100). Как видим, в этом фрагменте текста есть элементы прототипической схемы познавательной ситуации.

В чистом виде ментальный модус встречается в текстах исследователя, адресованных самому себе на стадии эксперимента, проработки концепции и, видимо, изложенных в лабораторных журналах, проспектах исследования и т.п. Но при описании результатов исследования он тесно переплетается с метатекстом, поскольку на этом этапе важную роль играет рефлексия ученого относительно употребляемых терминов, особенно вводимых новых дефиниций. Более того, как показывает лингвистический материал различной стилистической направленности, Говорящий с помощью одних и тех же средств может эксплицировать не только ментальный модус, но и диалогичность. Так, в приведенном выше контексте маркеры ментального модуса взаимодействуют с метапоказателями (*во-первых, во-вторых, значит, выходит*), синкретичными в семантическом плане, поскольку они выражают и ментальную рефлексия в свернутом виде (логический вывод) и рефлексия

Говорящего относительно формальной организации части контекста (границы аргументов, вывода).

Кроме того, следующие глаголы или глагольные словосочетания: *добавлю, подчеркнем, напомним/ вспомним, заметим попутно/ в скобках, повторяю/ позволю себе повторить, обратите внимание / хочу обратить внимание* – не всегда являются маркерами обязательных компонентов рассуждения, например: – *Вас называют «адвокатом жанра». А нуждается ли в защите оперетта? Веселая, зажигательная, где граф скрывается под маской простодушина, а старики лихо отплясывают канкан вместе с молодыми красотками кабаре? – И, добавлю, умеют хорошо петь без микрофона* (Труд. 2001. № 24). Названные глаголы в формальном плане, подобно перформативам, 1) описывают единичную, реальную ситуацию, размещенную строго в настоящем времени; 2) обладают неполной словоизменительной парадигмой; 3) имеют факультативную валентность объектного и адресатного вида в данном речевом окружении; а также не сочетаются с обстоятельствами длительности (*долго, целый час* и т.п.), градуальности (*медленно, постепенно*), точечности (*в этот миг, немедленно*), образа действия и союзами одновременности (*пока, когда*); 4) интонационно выделены как вводные слова. Однако семантическим признаком собственно перформативов – называть некое социально значимое действие (*клянусь, благодарим*) – они не обладают: в некоторых случаях их объединяет только интенциональное значение «рефлексирую в коммуникативном плане и в плане формально-прагматической организации высказывания». Поэтому данные глаголы интерпретируются в работе как квазиперформативы и в то же время как метапоказатели.

И проблема дифференциации авторизации и метатекста, и вопрос об их взаимодействии обусловлены формальным и ментально-коммуникативным факторами.

Формальный фактор проявляется в том, что показатели авторизации, как и часть метапомет, содержат в своем составе лексику речи, чаще всего разные формы глаголов *говорить, выразиться* (*можно сказать, если можно так выразиться; не ошибусь, если скажу; как говорят, как говорится, я бы сказал*). Такие языковые средства дифференцируются как маркеры разных модусных категорий в зависимости от 1) грамматической формы, 2) видовой семантики этих глаголов, 3) значения синтаксического лица вводных предикативных единиц.

1) Несмотря на наличие глагола речи в составе данных метапоказателей, авторизационный компонент «стерт», не является актуальным, если метаэлементами являются глагольные обстоятельственные словосочетания с главным словом *говорить, выразиться* в форме деепричастия или инфинитива, имеющие в качестве зависимого компонента существительное в творительном падеже или наречие (*Говоря простым языком, эти вузы получили право выдавать своим выпускникам дипломы о высшем образовании государственного образца*. Изв. 2003. №198), предикативные единицы со

значением настоящего неактуального времени (*Он поехал не по делам, а просто так - отдохнуть, как говорят, проветриться, отключиться от работы.* Э. Рязанов). Остальные языковые средства, имеющие в своем составе неназванные личные формы глаголов речи (например, *как сказал Д.С. Лихачев*), могут быть как однозначными показателями авторизации, так и синкретичными маркерами, у которых семантика метатекста на первом плане.

2) В состав показателей авторизации входят маркеры, содержащие глагольные формы прошедшего времени совершенного вида, которые называют одноактное действие, например: *Львовский гроссмейстер выступает тут, как выразился Гарри, «чрезвычайно сдержанно».* Каспаров не пояснил, что он имеет в виду, но, думаю, речь шла о сдержанной силе (Спорт-экспресс. 2002. № 52). Между тем глагольные формы прошедшего времени несовершенного вида, называемые неограниченно-кратное или многоактное действие, встречаются в метапоказателях, маркирующих номинацию, принадлежащую лексикону определенной языковой личности, социальной группы или относящейся к лексике пассивного запаса, например: *Если же и Андрея осенило: «Чистильщики!»; скорее всего, не просто чистильщики, а, как выражался Таманцев, «волкодавы»* (В. Богомолов); *Мы решили доказать, что можем сочинять в жанре, как говаривали прежде, «комической ленты» и попробовали влезть в «департамент» Гайдая* (Э. Рязанов).

3) Метапоказатели часто имеют значение неопределенного лица в сочетании со значением настоящего неактуального времени индикатива или условной модальностью (см. последний пример). К метасредствам, характеризующим лексику по принадлежности её определенной сфере или хронологическим рамкам употребления, относятся также вводные двусоставные предикативные единицы, в которых глаголы речи имеют значение настоящего неактуального времени или прошедшего многократного и сочетаются а) с существительными с семантикой социума (*политтехнологи, шахматисты, теннисисты, волейболисты, социологи, военные*), б) с местоимением *мы* со значением обобщенного лица, например: а) *А значит, данная выборная кампания глубоко, как говаривали прежние идеологи, символична или, как выражаются в нынешних приближенных к власти кругах, знаковая* (Континент. 2003. № 36); б) *Преступление совершено против, как мы сегодня выражаемся, «знаковых» людей* (Изв. 2002. № 1).

Синкретизм многих языковых средств, которые, будучи показателями авторизации, маркируя «моё – не моё», выражают также принадлежность выделяемой части высказывания определенному лексикону (*К настоящему времени у нас сложилось два прямо противоположных и, я бы сказал, почти симметричных образа Запада.* Ю. Афанасьев; *Выпущенный на волю Горбачевым Тимофеев, говоря языком газеты «Правда», спокойно принялся за старое: стал выпускать на дому «журнал независимых мнений» - «Референдум».* А. Стреляный; *К этому времени я уже достаточно*

«облетался, или, как говорят на лексиконе летчиков, уже успел немного «опериться». И. Бабак; *Войны ведутся народами. И «дубина народной войны», по образному выражению Л.Н. Толстого, всегда была грозной и величественной силой.* П. Жилин и т.д.), обусловлен именно ментально-коммуникативным фактором. Приведенные вводные элементы, кроме первого, всегда синкретичны, поскольку представляют собой сплав авторизации («употребляю чужое слово конкретной языковой личности») и метатекста («интерпретирую его»).

Ментально-коммуникативный фактор обуславливает существование синкретичной зоны и состоит в том, что в своей речемыслительной деятельности языковая личность в качестве «точки отсчета» часто выбирает чужое слово, как более точное, уместное, убедительное, умное (*лучше не скажешь*), употребляет единицы из чужого лексикона. В этом плане наша речевая деятельность – это непрерывный поток цитат, извлекаемых из нашей памяти: и в ней есть место и бережному, иногда почтительному, отношению к «чужому голосу», чужому мнению (а), и снятию с себя ответственности за чужое слово (б), например: (а) *В России, похоже, новые наукоёмкие технологии, перспективные разработки никому не нужны. Я бы сказал здесь словами нобелевского лауреата Жореса Алфёрова: самая большая беда даже не в том, что в науке мало платят, а в том, что результаты её на российском рынке не востребованы* (Труд. 2004. № 83); *Как положено, по ильф-и-петровскому выражению, «самому большому маленькому городу», в айдахской Москве имеется своя ежедневная газета* (Труд 2002. № 233); (б) – *Вам не все известно...я должен предостеречь...– Самохвалов изобразил, что заинтересован каким-то документом. - Помните, вы были у меня дома? Он тогда и решил приударить, это его выражение...Чтобы получить место начальника отдела* (Э. Брагинский, Э. Рязанов).

Ярким примером органичного взаимодействия авторизации и метатекста являются также показатели ретроспекции, которые квалифицируют часть текста как свою речь и одновременно маркируют отсылку к какой-то части левого контекста, например: 1) *Ещё один минус низких зарплат – это резкий разрыв в реальных доходах у работников бюджетной и внебюджетной сфер. Во внебюджетном секторе, если где-то и заявлена зарплата на уровне ниже прожиточного минимума (сельское хозяйство оставим за скобками), то это не что иное, как стремление уйти от налогов. Людям там платят всё-таки столько, насколько они могут прожить.*

А вот в бюджетной сфере зарплата ниже прожиточного минимума является «нормой». Между тем здесь сосредоточены такие категории квалифицированных работников, как, например, врачи, учителя, которые в нормально развивающихся странах с устойчивой экономикой имеют более высокие доходы, чем, скажем, средний рабочий. У нас – наоборот.<...>

Почему мы пошли на это? Дело в том, что именно «в середине» ЕТС находятся рядовые учителя, врачи, работники культуры, которые, как мы уже говорили, оказались обречены на мизерную зарплату (А. Исаев).

Поскольку базой для взаимодействия авторизации и метатекста является не только указание на речевое действие Говорящего, но и характеристика выбранного языкового кода, то различие между ними сводится к тому, **какой аспект** рефлексии выбран. Говорящий квалифицирует содержание с помощью показателей авторизации в плане «свое – чужое», а иногда и источник чужой речи, или маркирует с помощью метапоказателей, что использует чужую или свою номинацию (выражение) как единицу лексикона определенной личности, социальной группы или эпохи для выражения своей мысли или указывает на композиционные особенности данного текста (например, при проспекции или ретроспекции). Таким образом, взаимодействие авторизации и метатекста – процесс естественный.

Как периферийная зона метапоказателей в диссертации рассматриваются языковые средства, совмещающие семантику метатекста и разные оттенки искренности»: *честно говоря, по правде сказать, если честно, по чистой совести, чего лукавить, честное слово, признаться, по совести сказать, прямо сказать (скажем), откровенно говоря.*

Искренность – это необязательная модусная категория, отражающая квалификацию содержания высказывания как доверительную информацию Говорящего о себе, о его чувствах, оценках, пристрастиях, которая тождественна его мысли и чувству. Искренние высказывания информируют о внутреннем мире Говорящего либо о его увлечениях, привязанностях независимо от того, соответствуют или не соответствуют они социально-этическим, этикетным, идеологическим нормам окружающего его социума, например: *Если честно, первое время после августовского дня отправлялась на работу, как на смерть* (Труд. 2000. № 240); *Откровенно говоря, разговоры о ненормальной обстановке в российской команде ходили с самого начала чемпионата* (Изв. 2003. № 48).

Ядром показателей искренности являются перечисленные адвербиальные глагольные словосочетания, синкретичные по природе, поскольку одновременно представляют собой и подмножество в группе метапоказателей (*фигурально выражаясь, мягко говоря, говоря объективно, скажем аккуратно* и др.), имеющих такую же синтаксическую структуру, называющих речевое действие и его характеристику, функционирующие как вводные элементы, например:– *Не поняла я – кто умер? Буридан или осел? Витечка, ты умеешь говорить просто?*

– *Я всю жизнь старался это делать.*

– *Значит, у тебя это никогда не получалось, - сказала я грустно. – Я впервые за пятнадцать лет подумала, как ты всегда сложно и красиво говоришь...*

– *Я всегда говорю искренне, – сказал Витечка. – Может быть, ты чего-то не понимаешь, но это не моя вина!*

Эти слова он говорил уже с нажимом, с тихим дребезгом в голосе, на обертоне – вспомнил большой опыт давания мне укорота (Г.Вайнер). Как видим, сам Говорящий или его собеседники могут охарактеризовать особенности его речевого поведения по параметрам: характеристика выбора

употребляемой лексики и фразеологии (образность, стандартность, уместность употребления языковых средств); искренность высказываний; переход с одного стилистического регистра на другой, с одного кода на другой; ясность и точность плана выражения мысли; риторическая характеристика речевого поведения (красноречие, выразительность и т.д.); категоричность / некатегоричность выражения суждения, доброжелательность, соблюдение речевого этикета. Таким образом, формально маркеры искренности совершенно естественно встраиваются в ряд языковых средств, характеризующих речевое поведение.

Перечисленные выше показатели искренности, помимо основного значения, отражают рефлексию Говорящего, стремящегося к гармоничному диалогу, относительно содержания высказывания или плана его выражения. Так, в высказывании *Когда я узнала, что вся «желтая» пресса курируется, то поняла, что это не просто коммерция, а уже политика. Таким образом осуществляется, грубо говоря, дебилизация общества* (программа «Старый телевизор». 9 февраля 2000г.) адресант намеренно употребляет метапоказатель **грубо говоря** как синоним **прямо говоря**, чтобы продемонстрировать, что осознает прямолинейность, категоричность, эмоциональность, неделикатность, резкость употребляемой лексики.

Чтобы избежать нежелательного эффекта (сообщение неожиданной, иногда шокирующей коммуникантов информации, имиджа нескромного или безапелляционного человека), Говорящий регулярно употребляет данные метаэлементы, движимый интенцией – надеть определенную языковую маску, по его прогнозу ожидаемую Адресатом, в данном случае – скромного человека, например: *А 16 февраля 1943 года был опубликован крайне неожиданный для меня Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении и мне воинского звания «Маршал Советского Союза». Он был внезапен для меня хотя бы потому, что звание генерала армии я получил лишь месяцем ранее. Откровенно говоря, такую оценку моего труда по линии ГКО, Президиума Верховного Совета и Верховного Главнокомандования я считал чрезмерно высокой* (А. Василевский). Ср: *Голосование практически непредсказуемо, зато агитация «за Олимпиаду» в любом случае приносит городу огромную пользу. Его лучше узнают не просто 100 джентльменов из МОК, а весь мир. И вот здесь-то Москва, проводящая удачную и весьма корректную предвыборную кампанию, уже преуспела. А уж если не суждено выиграть с первого захода то давайте помнить, что процесс узнавания начался и проходит довольно, напишем скромно, удачно* (Труд. 2005. №101).

Журналисты часто надевают маску прямолинейного человека (**рубят с плеча**), демонстрируя, что высказывание строится без эвфемизмов, подтекста, недомолвок и прочих дипломатических уловок, например: *Председатель Госдумы Геннадий Селезнев предложил возобновить работу объединения комиссии по координации законодательной деятельности, в состав которой входят представители исполнительной и представительной ветвей власти.*<

> Мысль, **прямо скажем**, не нова, тем более что так или иначе всем ветвям власти приходится взаимодействовать постоянно (Изв. 2000, № 59).

Метатекст также взаимодействует с модусной категорией осторожности, например: «*Олигархический*», «*бандитский*» капитализм утвердился в России не потому, что наши государственные чиновники самого высшего уровня и сверхбогатые «*олигархи*» хуже, аморальнее других, или, **скажу осторожнее**, не только поэтому, а постольку и потому, что повсюду бедность (Ю. Афанасьев).

Осторожность – это необязательная модусная категория, отражающая оценку Говорящим содержания высказывания и плана его выражения в аспекте ограниченности человеческого знания или в плане прогноза последствий высказывания как коммуникативного события для Говорящего и оформляется вводными словами (*рискну заметить, скажу осторожнее, не побоюсь сказать, как правило, в сущности, в основном*), наречиями (*обычно, практически, почти*), модальным глаголом (*мочь*) и его производными (*можно*), аббревиатурами (*и т.д., и т.п., и др.*), предикативными единицами (*Оно, конечно, так-то так, все это прекрасно, да как бы чего не вышло*. А. Чехов). В лингвистике первоначально был осознан феномен научной осторожности (И.П. Матхановой), которая в лингвистическом плане есть вариант коммуникативной осторожности.

Экспликация ее обусловлена рядом причин: 1) оценкой Говорящим своего статуса в социуме (например, начальник – подчиненный); 2) психологическими особенностями самой личности Говорящего (например, беликовщина); 3) спецификой социально-политической ситуации, в которой имеет место коммуникативное событие (например, период массовых репрессий в 30-50 гг. в СССР или период Октябрьской революции и Гражданской войны); 4) особенностями Адресата (например, большая читательская аудитория спортивных болельщиков, с различными, иногда противоположными пристрастиями).

Взаимодействие осторожности и метатекста базируется на рефлексии Говорящим и относительно содержания высказывания, и относительно плана выражения и на действии эгоцентрического фактора. «Взвешивание каждого слова» с точки зрения его уместности в данной речевой и социально-политической ситуации в плане последствий коммуникативного акта Говорящий эксплицирует с помощью метапомет, связанных с лексическим значением слова, например: **Не побоюсь назвать** то поколение ваших футболистов поколением звезд. Они были настоящими монстрами – естественно, **в хорошем смысле слова**: одаренные физически и технически, они умели в футболе всё (Спорт-экспресс. 2005. №29). Особенно часто взаимодействие осторожности и метатекста происходит в высказываниях мировоззренческого плана, когда речь идет о политических, религиозных взглядах, идейных платформах различных литературных, эстетических и пр. течений, поскольку произнесенное или написанное высказывание может повлечь нежелательные последствия для его автора.

В целом метатекст рассматривается в работе как семантическая категория, поскольку, подобно грамматической категории, характеризуется единством семантики и закрепленных форм выражения.

Язык располагает богатой и иерархически организованной системой средств выражения метатекста, ядром которой являются вербальные средства – метавысказывания и метаэлементы, различающиеся между собой степенью экспликации метатекстовой информации: ср. метаэлемент *итак* и метавысказывания *Подведем итоги* или *Мы пришли к следующим выводам*. К русскому репертуару вербальных метапоказателей относятся 1) союзы, 2) вводные элементы, чаще всего гибридные языковые образования, совмещающие признаки союзов и вводных слов, 3) фразеологизмы (***так сказать, как говорится, что называется, в двух словах*** и др.), 4) соединения слов, которые входят на правах компонента в состав члена предложения (***в кавычках, в лучшем понимании слова***), в том числе и свободные словосочетания, 5) метавысказывания, представляющие собой или предикативную единицу, или полипредикативный комплекс, или даже абзац и выражающие развернутый метакомментарий, например: 1) *Чем выше уровень ученика, тем большее количество предметов и на более высоком уровне он может изучить. Более того, при желании школьники могут в школе же изучить предметы из программы колледжа* (Изв. 2002. № 57); 2) *Месяц, два, три такого состояния – и наступает коллапс. А по-русски – развал* (В. Пискунов); 3) *Александр ведь очень во многом ему помог, подсказал, направил его, так сказать, ограничил его талант* (А. Вайнер, Г. Вайнер); 4) *Вот и получается, что ребята, не умеющие читать, безграмотные в самом прямом смысле этого слова, пребывают в школе рядом с теми, кто читает и пишет аж на трех языках* (Изв. 2002. № 57); 5) ***Воспользуюсь примером почти хрестоматийного свойства – в смысле известности, и в смысле типичности, и в смысле публичной документированности на страницах отечественной и зарубежной прессы*** (Ю. Афанасьев); ***Вернемся к теме; Народу в зале больше, чем мест. Это не фигура речи*** (Спорт-экспресс. 2005. № 88); ***В данном определении есть скрытый смысл, который необходимо прояснить*** (Ю. Афанасьев); ***Я не зря взял последнее слово в кавычки*** (В. Лунгин).

Вербальные средства метатекста сочетаются и могут взаимодействовать с изофункциональными просодическими и паралингвистическими средствами, то есть **имплицитными метапоказателями**, выражающими лишь «намеки» на рефлексивность.

В устной форме коммуникации Адресат может получить метатекстовую информацию, выраженную вербально и имплицитно – просодическими и кинетическими средствами. Взаимодействие вербальных и просодических, вербальных и кинетических средств очевидно в случае сопоставления «теневого высказывания» (Т.М. Николаева), в котором ни один из метапоказателей не выделен ни интонацией, ни жестом, и фразы с акцентным выделением метаэлементов. Например, сопровождение произнесения одного из

метапоказателей высказывания *Вы не знаете, как со мной держаться. Это раз. Благодарной быть не хотите и от того сердитесь. Это два. Забудьте к черту про благодарность, и мы отлично п-поладим. Это три* (Б.Акунин) эмфатическим ударением или жестом (поднятый вверх указательный палец, означающий «внимание») снимает неоднозначность прагматической интерпретации фрагмента текста Адресатом.

Письменный текст, помимо языковых – вербальных, обслуживают средства других коммуникативных систем и набор метапоказателей разнообразнее, чем в устном: встречаются графические – пунктуационные и шрифтовые. К пунктуационным метапоказателям относятся собственно пунктуационные и пространственно-композиционные средства. К шрифтовым относится выделение части высказывания помощью а) вида шрифта (курсив, разрядка, жирный и полужирный), б) размера шрифта (прописные буквы, кегль), в) световое (в рекламных или учебных текстах), г) анимационное в электронной версии (красные муравьи, черные муравьи, мерцание, мигающий фон, неоновая реклама, фейерверк).

В диссертации введено понятие метатекстовой функции знака препинания. Она, как коммуникативно-прагматическая функция, указывает на рефлексию пишущего относительно семантико-прагматических особенностей слова или языкового выражения либо относительно места слова, предложения в формальной, в том числе и композиционной, организации текста или высказывания. Метатекстовая функция знаков препинания проявляется в двух частных: актуализационной («выделяю самое важное») и метаязыковой («указываю на рефлексию относительно употребляемого кода в семасиологическом, стилистическом, лексикологическом планах»). Так, в высказывании *Группа провела кинопробы, утвердила актёрский состав, была выбрана натура, а потом произошло предательство. Причем «кинули» нас как-то особенно неинтеллигентно, как-то особенно мерзко* (Э.Рязанов) кавычки выполняют метаязыковую функцию, а в контексте *О любовь! Спасает мир – она!* (М. Цветаева) – актуализационную.

В работе выделены регулярные корреляции средств выражения метатекста: 1) вербальные и собственно пунктуационные (*Только то была не «тарелка» в привычном понимании слова, а сигарообразное тело серебристого цвета*. Труд. 2003. № 82), 2) собственно пунктуационные и интонационные (*Все отвергал: законы! совесть! веру!* А. Грибоедов), 3) собственно пунктуационные и шрифтовые (*Они прекрасно понимали, чем грозит конец так называемой «хрущевской весны», осень нашей весны, как потом сформулирует А. Битов*. Н. Иванова); 4) шрифтовые – пространственно-композиционные. Шрифтовые средства очень распространены в наш компьютерный век и, подобно традиционным знакам препинания, выполняют функцию актуализации. Шрифтовые выделения, комбинируясь в одном тексте (*Ему было все равно, решительно все равно, абсолютно **ВСЕ РАВНО**, что будет с ним завтра*. Б. Васильев), выполняют градационную функцию, поскольку выражается актуализация разного ранга.

Целый набор разных типов метапоказателей (шрифтовые выделения, пространственное положение самой важной информации, свето-цветовая организация текста) комбинируется часто в рекламном тексте.

Пространственно-композиционные метасредства преимущественно предназначены для выполнения двух функций – формальной и прагматической. Формальная функция этих средств реализуется в том, что текстовые знаки манифестируют структурную (формальную) организацию текста. Эта функция связана с объемно-прагматическим членением текста. Часто формальная функция соединяется с прагматической – актуализационной.

Во **второй** главе рассматриваются метатекст в аспекте текстовых категорий и в то же время целый текст как феномен «с позиции» метатекста. Глава начинается с обзора дискуссионных вопросов лингвистики текста последних десятилетий: сущность текстовой категории, обязательные и факультативные категориальные свойства текста, их количество, их иерархия (И.Р. Гальперин, А.И. Новиков, С.Г. Ильенко и др.).

Текстовые категории интерпретируются в работе как типологические, параметральные признаки текста, функционально и генетически выводимые из закономерного развития коммуникации (Е.В. Сидоров, А.А. Чувакин), а сам текст никогда не моделируется одной текстовой категорией, всегда их системой (Е.В. Сидоров, Т.В. Матвеева). Между признаками текста, по мнению С.Г. Ильенко, устанавливаются иерархические отношения.

Вопрос об обязательных / необязательных текстовых категориях, об их иерархии решается в диссертации на основе динамического подхода, для этого вводится понятие *динамических отношений в тексте*.

При динамическом подходе текст рассматривается как объективно существующий факт действительности, представляющий собой реализацию коммуникативных интенций Говорящего с помощью системы определённых операций: «В процессах *вербализации – понимания* текст предстает процессно-предметным единством и может быть рассмотрен в цепочке: [текст как замысел] – текст как порождаемое – текст как продукт порождения (новый текст-1) – текст как объект понимания (текст как реальность) – текст как понимаемое – текст как продукт понимания» (А.А. Чувакин). В поле данного исследования был диалог с текстом как порождаемым и с текстом как продуктом порождения (что хотел сказать? что получилось?). Диалогические отношения, которые возникают между Говорящим и речемыслительном произведении, эксплицируются метатекстом в тексте как продукте порождения и в динамических отношениях между метатекстовым и базовым компонентами текста, если его рассматривать как порождаемое.

Динамические отношения в тексте – это отношения, существующие между сегментами, компонентами (выделяемыми как по вертикали, так и по горизонтали) текста, и интерпретируются как их взаимодействие, приводящее к развитию, «движению» текста под влиянием коммуникативного замысла Говорящего и других компонентов коммуникативной ситуации (например, реакции Адресата). Таким образом, во взаимодействие могут вступать как

семантико-прагматические части текста (метатекстовый и базовый компоненты), так и формально-прагматические составляющие его базовой части (высказывания, ССЦ, параграфы). Между метатекстовым и базовым компонентами текста возникают диалогические отношения, а между высказываниями, ССЦ, параграфами в базовом компоненте текста – линейные и линейно-деструктивные, конструктивные и конструктивно-деструктивные, структурно-иерархические и аструктурированные.

Динамические отношения бывают обязательные и факультативные. Обязательные динамические отношения – это отношения между частями текста, без которых он не существует. В данной работе как обязательные интерпретируются диалогические отношения между базовым и метатекстовым компонентами текста, линейные, конструктивные, структурно-иерархические отношения в базовом компоненте. Факультативными являются линейно-деструктивные, конструктивно-деструктивные, аструктурированные отношения.

Каждый вид обязательных динамических отношений в тексте эксплицируют определенную текстовую категорию. Исследуя названные отношения, мы выявляем текстовые категории, или признаки в текста в «снятом виде». Так, по взаимодействию метатекстового и базового компонентов текста выявляется коммуникативность, в частности диалогичность; по линейным отношениям – линейность, по конструктивным – связность; структурно-иерархическим – структурированность. Нарушение линейных, конструктивных, структурно-иерархических отношений между частями текста, эксплицированное вербально, допустимо в тексте, возникает достаточно регулярно и значимо: является доказательством факта существования названных динамических отношений. Более того, сначала были обнаружены необязательные динамические отношения, которые эксплицировали метапоказатели, а затем обнаруженные аномалии позволили осмыслить факт существования обязательных динамических отношений и сформулировать закономерность.

Возможно, список динамических отношений, возникающих в тексте и описанных в реферируемой работе, не исчерпан, однако его состав обусловлен тем, какие из них эксплицирует метатекстовый компонент. В данной главе решалась задача, какие дифференциальные признакам текста и связной речи эксплицируют показатели метатекста, какое представление о тексте как о феномене, существующее в языковом сознании данного лингвокультурного коллектива, реконструируется по корпусу текстов с развернутым метатекстом. Чтобы облегчить задачу коммуникации, определенные конвенции и коммуникативные стратегии помогают Говорящему построить связное, целостное, структурированное высказывание, иначе говоря, текст.

В результате применения системно-структурного подхода к обязательным динамическим отношениям в тексте они представлены как иерархическая структура. Коммуникативность – именно то свойство текста, которое задает другие релевантные признаки связной речи и текста как филологического

феномена и проявляется в коммуникативном замысле Говорящего, в его постоянной ориентированности на Адресата, на общение, желательном или нежелательном, эксплицируется с помощью различных метасредств во внутритекстовых диалогических отношениях метатекстового и базового компонентов текста. *Диалогичность* (Л.П. Якубинский, М.Н. Кожина, С.Г. Ильенко, Л.Р. Дускаева, Е.И. Гаврилова) – подкатегория коммуникативности, фундаментальное свойство связной речи, которое проявляется в её ориентированности на Адресата (явного / непосредственного или неявного) и обуславливает ее содержание и форму (А. Стельмашук). В диссертации исследуется только один ее вид – диалог со вторым «я» с целью самоанализа, самоконтроля и одновременно с целью привлечь Адресата к диалогу, сомышлению. *Внутритекстовые диалогические отношения* – это процесс рефлексии Говорящего с порождаемым текстом относительно логики изложения, структурирования высказывания, перехода от одной части к другой, ранжирования информации по степени значимости, отбора используемой лексики и ее интерпретации и каких-то иных особенностей манеры говорить. Метатекстовый компонент текста отчетливо представляет чужую смысловую позицию, чужой голос («...присутствие других лиц или мысль о них может оказывать давление на нашу речь», как отмечал Ш.Балли), например: *Папа, склонив голову, чисто и душевно выводит эту мелодию на мандолине. Иван Иванович сидит молча и полузакрыв глаза. Наталья Евгеньевна держит меня на коленях, вытирая украдкой счастливые слёзы.*

Я, конечно, предвижу возможное едкое замечание читателя: не слишком ли благостный взгляд у мемуариста на далёкое детство, на семейную идиллию? (Л.Солдатов). С помощью метатекста Говорящий выражают определенную коммуникативную, или прагматическую, программу, которая состоит в выборе языковых средств и их комментировании, в соблюдении правил построения текста как высказывания или в речевом поведении Говорящего при нарушении правил композиции текста и т.д. и которая определяется одним из следующих факторов или их сочетанием: эгоцентрическим, альтруистическим и когнитивным. Под давлением эгоцентрического фактора (забота о собственном имидже) Говорящий употребляет метапоказатели в роли коммуникативного «амортизатора», чтобы избежать коммуникативного или коммуникативно-мировоззренческого конфликта (*Стоило ему же на днях перелететь через океан и предстать перед элитной вашингтонской публикой, как некоторые выказывания украинского премьера приобрели, как бы покорректнее выразиться... Так и скажем: некорректные формы.* Труд. 2005. № 210). А под давлением альтруистического фактора Говорящий с помощью метатекста добивается ясности, точности выражения мысли, экспликации коннотативных характеристик (*Прежде всего бросается в глаза эклектичность учебников. А попросту говоря – мешанина.* Континент. 2000. № 24). Когнитивный фактор диалогических отношений в тексте действует при номинативных затруднениях, которые испытывает Говорящий, или при его

неудовлетворенности относительно выбранной им номинации. В последнем случае ситуация номинативного затруднения стимулирует развитие мысли, например: *Стоп-стоп-стоп, повторил про себя Момус. А нельзя ли тут по обыкновению двух зайцев подстрелить – вот такая идея пришла ему в голову. То есть, если точнее, чужого зайца подстрелить, а своего под пулю не подставить. Или, выражаясь иначе, и рыбку съесть, и в воду не лезть. Нет, совсем уж **точно будет так: невинность соблюсти и капитал приобрести** (Б.Акунин). В данном контексте эксплицируется ментальный процесс Говорящего, читатель же вместе с автором движется в текстовом пространстве, при этом диалог с собственным высказыванием совпадает с вектором линейного развертывания текста.*

Диалогические отношения метатекстового и базового компонентов текста определяют динамические отношения между частями базового компонента текста: линейные и линейно-деструктивные, конструктивные, структурно-иерархические отношения в связной речи и тексте, поскольку в этом случае Говорящий ведет диалог с базовым компонентом текста («Как я тебя выстраиваю? Будет ли содержание при такой композиции текста, при таком его развертывании интерпретировано Адресатом в соответствии с моим замыслом?»).

Оппозиция между динамическими отношениями внутри этого ряда – «линейные, конструктивные – структурно-иерархические» – базируется на дихотомии *связная речь* и *текст*, поскольку вслед за С.Г. Ильенко в работе разграничиваются дифференциальные признаки *связной речи* и дифференциальные признаки *текста*, хотя оба феномена имеют коммуникативно-деятельностную основу (см. также М.М. Бахтина, Т.М. Николаеву, Х. Изенберга, Кв. Кожевникову, Е.В. Скворецкую).

Чтобы построить стандартный, то есть связный, текст, адресанту приходится преодолевать дискретность, квантовость мышления (Н.И. Жинкин, Е.И. Диброва). Между высказываниями, ССЦ, параграфами складываются *конструктивные динамические отношения*, результатом существования которых является текстовая категория *связности*. **Связность** речи или текста трактуется в работе как содержательная соотнесенность, часто взаимозависимость высказываний, которая выражается лексическими (в том числе и метапоказателями-скрепами типа **более того, точнее, следовательно, наоборот** и т.д.), грамматическими средствами. С точки зрения формально-смысловой организации текста как целого связность может быть **радиальной** (отдельные части текста Говорящий связывает не друг с другом, а только «пучкообразно» с заглавием, с темой, тезисом текста), **линейной** (отдельные части текста связаны, взаимодействуют непосредственно друг с другом, зависят друг от друга, например, с метапоказателями **выходит, отсюда**) и **радиально-линейной** (отдельные части текста связаны и друг с другом, и «пучкообразно» с заглавием, с темой, тезисом текста или его крупной смысловой части, например, метапоказателями очередности **во-первых, ...и последнее** и метаэлементом вывода). Чем длиннее метатекстовый ряд

(фрагмент текста, части которого характеризуются семантической одноплановостью и связаны 2 и более метапоказателями), который функционирует в тексте, тем сильнее эффект «стянутости» частей текста к одной фразе, в единое целое. Например, *Молодой человек помолчал – видимо, для пущего эффекта – и решительно начал. – Генерал Соболев участвовал в каком-то тайном деле, суть которого нам пока неясна. Д-доказательства? Скрытно от всех собрал огромную сумму. Это раз. В гостиничном сейфе хранились секретные бумаги, утаенные от властей свитой генерала. Это два. Сам факт негласного наблюдения за Соболевым – а я думаю, что Евгений Осипович прав и наблюдение было, – это три. – Эраст Петрович мысленно добавил: «Свидетельство Девицы Головиной – это четыре», однако приплетать к расследованию минскую учительницу не стал (Б.Акунин). Как видим, метапоказатели во фрагменте текста ведут себя как союзные скрепы, связывающие дистантно или контактно расположенные части текста, иногда предложения в единое целое, а также указывают на соединительные смысловые отношения между связываемыми частями. При элиминации этих метапоказателей связность текста существенно ослабляется, однако он не становится бессвязным. Данные метапоказатели являются маркерами связи частей текста или предложений друг с другом и в то же время репрезентируют параллельную связь обычно с предложением-тезисом.*

В реферируемой работе ретроспекция и проспекция рассматриваются со статичной точки зрения как дистантная связность. В динамическом аспекте ретроспекция – это такие *конструктивно-деструктивные* отношения в тексте, которые эксплицируют динамику развертывания содержания текста посредством отсылки назад, к предшествующему контексту, к введенной ранее информации, являющейся актуальной для развертывания авторской мысли, дистантно расположенной по отношению к месту отсылки, и обеспечивают связность базового компонента текста; проспекция – это такие *конструктивно-деструктивные* отношения в тексте, которые обеспечивают связность базового компонента текста, отражают коммуникативную стратегию Говорящего в плане перспективы развертывания высказывания в широком смысле слова и эксплицируют динамику развертывания содержания связной речи / текста посредством связывания текущей информации или высказываемой мысли с содержанием последующей части текста. Следовательно, ретроспективно-проспективные отношения между компонентами текста есть такие *конструктивные* отношения, при которых его сегменты располагаются дистантно относительно друг и друга и текущего фрагмента текста (то есть высказывания, с которым в данный момент «работает» коммуникант) и обеспечивают связность базового компонента текста в целом. Они легко определяются при оформлении метапоказателями. Введение в текст показателей и ретроспекции, и проспекции всегда усиливает связь текущего фрагмента текста с дистантно расположенными, а также создает коммуникативный рельеф речи (текста). Поскольку метатекст эксплицирует связность дистантно расположенных сегментов высказываний в единое целое и

челночный характер рече-мыслительного процесса, Говорящий как будто «цепляется» за часть фразы, слово, от которого вектор направлен либо вперед (при проспекции), либо назад (при ретроспекции); то ретроспективно-проспективные отношения между компонентами текста представляют собой особый вид линейной связности.

Стандартный текст характеризуется линейными отношениями, которые могут быть выражены иногда синкретичными вербальными метапоказателями, маркирующими также конструктивные отношения. *Линейные отношения* между компонентами связной речи – это вид синтагматических отношений, которые существуют между высказываниями одного функционально-смыслового типа речи и векторная однонаправленность которых (в письменной форме – слева направо) реализуется в линейной тематической прогрессии, информационной и логической последовательности высказываний, представляющей собою развитие одной тематической, сюжетной и др. линии. В этом случае элемент текста можно представить как компонент в синтагматической цепи, в которой есть предтекст и посттекст. В динамическом аспекте описание линейных отношений базируется на признаках: однонаправленность, векторность. Но в силу стандартности, привычности своего проявления и оформленности с помощью тех же вербальных средств, что и конструктивные, линейные отношения между компонентами связной речи или текста редко осознаются как лингвистами, так и носителями языка. Они становятся очевидными, когда разрушаются, то есть на фоне текстовых вставок, разрывов. Отклонение от стандарта проявляется в *линейно-деструктивных отношениях* в тексте. Это такие отношения компонентов текста или слов в предложении, при которых линейный характер их отношений нарушается интонационной, содержательной разорванностью, прерванностью высказывания, что выражается в его лишенном целостности интонационном рисунке предложения, в нарушении синтаксической структуры предложения, во «врезке» одного функционального типа связной речи в другой, в прерванности одной тематической, сюжетной линии другой, в хронологическом «сбое» и т.д. Линейно-деструктивные отношения могут быть имплицитными, но чаще оформляются вербальными метапоказателями (*Отклонился от темы, кстати, к слову, заметим* и т.д.) или вставками, которые манифестируют, что в языковом сознании данного лингвокультурного коллектива сложился образ текста как феномена с линейными отношениями

Вставка в диссертации рассматривается как текстовое явление еще и потому, что явление вставочности в когнитивном плане объясняется квантовостью мышления человека, и потому что речевой замысел адресанта в полной мере объясняется с текстоцентрической позиции. Под **текстовой вставкой** мы понимаем – относительно автосемантический отрезок текста, который: 1) состоит из одного и более предложений, 2) нарушает линейные отношения между компонентами текста или связной речи, иногда и с помощью интонации, 3) отражает хронологический скачок в прошлое либо в будущее или представляет собою высказывание оценочного характера, попутное

замечание пояснительного или ассоциативного характера, афоризм, внутреннюю речь персонажа или информацию об особенностях его речевого поведения, иных коммуникативных характеристиках; 4) служит выравниванию фоновых знаний собеседников и /или выполняет когнитивную, эстетическую, композиционную функцию в создании неоднородного высказывания. Текстовые вставки могут быть эксплицитными и имплицитными. Имплицитные текстовые вставки не содержат никаких маркёров, представляют собою автономный отрезок текста разной длины, который нарушает функционально-смысловую тип речи, информационную линейность речи. Эксплицитные вставки имеют маркеры в виде каких-либо вербальных и /или невербальных знаков (слов, знаков препинания), сигнализирующих о разрыве линейных отношений в тексте. В зависимости от природы этих знаков вставки бывают вербальные и невербальные пунктуационные. Вербальные вставки – это эксплицитные текстовые вставки, которые имеют хотя бы одну вербально маркированную границу. Невербальные пунктуационные вставки – это эксплицитные вставки, выделенные скобками. Вставки, выделенные тире или многоточиями, представляют собой промежуточный тип между эксплицитными и имплицитными вставками, поскольку и тире, многоточия – знаки препинания многофункциональные.

Выбор стандартной (текст с линейными отношениями) или нестандартной (текст, представляющий собой монтаж эпизодов, не связанных линейно, и отражающий скачкообразность, прерывистость, беспорядочность жизни, мышления) организации текста обусловлен творческой волей автора текста. Подтекст иногда возникает в тексте благодаря линейно-деструктивным отношениям, которые возникают в тексте, когда реализуется принцип «монтажности» построения текста (И.А.Мартьянова).

Вслед за М.Я.Дымарским, который рассматривает текст как «системно-структурное образование, обладающее иерархической организацией», в реферируемой работе выделяется текстовая категория **структурированность**, то есть признак текста, который проявляется в структурно-иерархических отношениях между компонентами текста и их более дробными частями. Процесс установления Говорящим структурно-иерархических отношений между компонентами текста, или структурирования текста, эксплицирует тот факт, что Говорящий рассматривает текст как структуру. Вводится также понятие *иерархических отношений* между компонентами текста. Иерархические отношения – это отношения подчиненности между его неоднородными в коммуникативно-прагматическом плане компонентами, отношения ранжирования частей, выделенных при членении текста как по вертикали, так и по горизонтали по степени важности, значимости в данном тексте и объему информации. Таким образом, термин *структурированность* отражает не только результат формального членения текста на компоненты по вертикали и горизонтали, но и его внутреннюю структурно-композиционную организацию, которая определяется замыслом Говорящего, то есть его прагматической установкой. Внутренняя структурно-композиционная

организация текста проявляется в его целостности, метатекстовом рельефе. Целостность текста возникает как результат интеграции компонентов текста как по вертикали, так и по горизонтали и одновременного установления структурно-иерархических отношений между ними в тексте.

Структурированность текста тесно связана с его членением на компоненты не только с формальной и семантической позиций, но и с коммуникативно-прагматической точки зрения, то есть с выделяют текстовой категорией *членимости*, которую выделяют многие лингвисты (И.Р. Гальперин, О.Б. Сиротина, М.В. Ляпон, С.Г. Ильенко, И.А. Мартынова). Говорящий при выборе коммуникативно целесообразного варианта текста часто сознательно членит текст (или его часть), акцентируя внимание на его формально-смысловых составляющих, на «пошаговом» развёртывании своих ментальных действий с помощью метапомет разной степени свернутости информации, а Адресат текста (как и исследователи в свое время) обращает внимание прежде всего на членение текста на компоненты, то есть на то, что выражено на поверхностном уровне – пространственно и / или вербальными метапоказателями.

Язык располагает большим количеством метапоказателей, позволяющих Адресату точно декодировать, считает ли Говорящий текст в целом или какую-то его часть завершёнными. Завершённость какого-то компонента текста и всего текста в целом в рамках общего замысла Говорящего рассматривается в работе как одно из проявлений структурно-иерархических отношений, которые устанавливаются как в тексте в целом, так в его части. Операцию завершения адресант эксплицирует с помощью метатекста, который выступает в качестве композиционно-организующего центра части текста. Однако завершённость текста – это проявление и его целостности, которая воплощается в его структурированности: Говорящий «так или иначе строит отдельные части текста с учетом его характера как целого» (Кв. Кожевникова). В связи с частной категорией целостности в работе вводится понятие *метатекстового каркаса текста*, или внутренней опорной части текста, состоящей из метапоказателей, которые скрепляют между собой части текста и репрезентируют композиционную структуру текста или его части – ССЦ. Исследования, посвященные целостности текста, носят антропоцентрическую направленность: текст как целостное образование возникает в интеллекте человека (А.И. Новиков). Нарушение внутренней структурно-композиционной организации текста как целого в реферируемой работе называется его *аструктурированностью*. Иногда Говорящий эксплицирует с помощью маркеров (*и ещё, добавим к сказанному* и т.д.), что в его сознании отражено представление о тексте как о феномене, части которого связаны структурно-иерархическими отношениями).

Динамические отношения между базовым и метатекстовым компонентом и динамических отношений в самом базовом компоненте текста тесно взаимодействуют (не случайно их в некоторых случаях трудно дифференцировать), организуя текст в единое целое; при этом он является

подвижной структурой, когда одни отношения выдвигаются на первый план при внешней деформации других: а) диалог Говорящего с собственным словом, с собственным текстом побуждает адресанта линейно двигать мысль в вербальной форме, шлифовать ее; б) векторность, дистантная связность текста обеспечиваются тремя компонентами – обращением к какой-то информации, введенной ранее, – речевым событием в момент речи – прогнозом или введением информации, хронологически относящейся к плану будущего (*выше можно обобщить, повторяю, резюмирую, итак, словом, таким образом, короче говоря, подведем итоги*), кроме того, в этом случае метапоказатели одновременно являются сигналами завершенности текста в целом или какой-то его части; в) структурно-иерархические отношения, преимущественно эксплицируемые метатекстом, есть равнодействующая отношений членимости, цельности и иерархии, внутренняя структурно-композиционная организация текста проявляется в его целостности и коммуникативном рельефе; целостность текста возникает как результат интеграции компонентов текста как по вертикали, так и по горизонтали в соответствии с коммуникативным замыслом Говорящего и одновременного установления структурно-иерархических отношений между ними в тексте; г) в некоторых случаях логическая линейность тесно переплетается с членимостью, например: *У прославленного Ахилла есть пята, и не слишком оригинальная, пришел к заключению Ахимас. Нечего мудрить и изобретать порох. Чем проще, тем вернее.*

Логическая схема выстроилась сама собой.

- 1) Женщина – самая подходящая приманка для крепкого, уставшего от воздержания мужчины Соболевского склада.*
- 2) Через женщину проще всего дать объекту яд.*
- 3) Разврат считается в России делом постыдным и уж во всяком случае недостойным национального героя. Если герой умер не на поле брани или хотя бы не на больничном ложе, а испустил дух на ложе порока, с любовницей, а ещё лучше со шлюхой, это, по русским понятиям, а) неприлично, б) комично, с) просто глупо. Героям такого не прощают.*

Остальное сделает свита. Адьютанты в лепешку расшибутся, чтобы утаить неблагоприятные обстоятельства смерти Белого Генерала от публики (Б.Акунин).

Вторая глава заканчивается систематизацией сведений по функциям метапоказателей, что очень важно при лексикографировании. Вербальные метапоказатели обычно полифункциональны. Всем метасредствам свойственна семантическая и коммуникативно-прагматические функции. Семантическая функция всех метапоказателей заключается в экспликации речевой рефлексии Говорящего. Коммуникативно-прагматическая функция состоит в том, что Говорящий, выстраивая свою коммуникативную стратегию, заранее планирует и реализует в ходе речевой деятельности определенные приемы, направленные на достижение коммуникативной цели. Метатексту свойственен набор частных коммуникативно-прагматических функций:

структурирование и создание метатекстового рельефа текста; экономное расходование времени, актуализация или создания коммуникативного рельефа текста, гармонизация общения. Многие вербальные метапоказатели выполняют когнитивную функцию, то есть, являясь маркерами интеллектуальной деятельности Говорящего, направляют линейное движение мысли Говорящего при рефлексии им относительно вербальной формы выражения излагаемой информации. Метапоказатели гибридного типа, как союзы, выполняют формальную функцию при связывании частей высказывания и создании метатекстового каркаса текста; её разновидностями формальной функции являются конструктивная и текстообразующая.

Третья глава посвящена вербальным метапоказателям в лексикографическом аспекте. В ней подробно анализируется состояние освоенности метапоказателей современной лексикографией (толковыми и аспектными словарями) и оценивается как неудовлетворительное.

Концепцию словаря – «его дух» – отражают его типологические признаки и его место в системе словарей (Г.Н. Складаревская), а также лексикографические параметры описания словарной единицы.

В реферируемой работе охарактеризовано место словаря метапоказателей, опираясь на координаты П.Н. Денисова и на универсальную, многоуровневую, учитывающую опыт предшественников (Л.В. Щерба, С.И. Ожегов, А.М. Цывин, В. Ментруп, Г.Н. Складаревская, В.А. Козырев, В.Д. Черняк) типологию словарей, разработанную Н.А. Лукьяновой.

Словарь метапоказателей аккумулирует важнейшие характеристики современных словарей. 1). Будучи по объекту описания *лингвистическим* словарем, он занимает промежуточное положение между *лексическим* и *нелексическим* словарями, поскольку его словник включает и лексемы, и фразеологические единицы, и свободные словосочетания. 2). Это *аспектный, системный, синхронный* словарь, потому что описывает дискретные, внешне независимые единицы, образующие подсистему прагматичной, дискурсивной лексики современного языка, потому что являются средством выражения метатекста и вступают в парадигматические отношения. 3). Как *атезаурус*, он характеризуется семантической последовательностью отбора языкового материала для словаря. 4). В нем реализуется концепция *многоаспектного* и *интегрального* словаря. Она базируется на идее современной русской лексикографии, что словарь – это комплексный лексикографический труд, преодолевающий искусственное разграничение внутренней лингвистики на теоретические области, соединяющий достижения исследований по семасиологии, стилистике, грамматике, словообразованию, социолингвистике и т.д., систематизирующий, обобщающий и комплексно представляющий сведения о словарной единице (Ю.Д. Апресян, Г.Н. Складаревская, Ф.П. Сороколетов, В.А. Козырев и В.Д. Черняк, Н.А. Лукьянова). Поэтому словарная статья в данном словаре представляет до 7 зон и до 15 лексикографических

параметров, которые отражают разные подходы к исследованию метатекста (словоцентрический и текстоцентрический, системно-структурный) и органично соединяет информацию акцентологии, грамматики, синтаксиса, морфологии, лингвистики текста, семасиологии и прагматики, собственно лексикологии, пунктуации. 5). По антропоцентрическим характеристикам это *печатный* словарь, поскольку его пользователь не имеет ограничений при восприятии визуальной информации и выпускается на традиционном бумажном или электронном носителе, в отличие от словаря, например, предназначенного для слепых или слабовидящих. Поэтому по психологической координате это *словарь ограниченного употребления*.

6). Словарь метапоказателей проектируется как *универсальный*, поскольку одновременно он может выполнять, с одной стороны, прескриптивную и дидактическую функции как *учебный дискурсивный* словарь, а, с другой стороны, дескриптивную функцию, будучи *словарем-исследованием* (Н.А. Лукьянова) и удовлетворяя запросы тех, кто нуждается в многоаспектной, разноуровневой, комплексной лингвистической информации. 7). По объему лексикографической информации, или по разнообразию используемых лексикографических источников (помимо традиционных, источниками является пресса, тексты радио и телевидения, даже переводная литература), это *полистилистический* словарь. В нем иллюстративный материал, так же как и в «Новом объяснительном словаре синонимов», выполняет две функции: репрезентация обоснованности словаря и демонстрация реального семантического потенциала метапоказателей в современном русском языке. 8). Место вокабулы в словаре определяется сочетанием трех факторов: ее принадлежности лексикографическому типу метапоказателей, её начальных букв и алфавитного порядка, поэтому по способу расположения лексикографического материала это *системно-алфавитный* словарь. 9) По особенностям подачи лексикографической информации в словаре, в том числе по наличию /отсутствию дефиниции и иллюстративного материала, словарь метапоказателей является традиционным, то есть *объяснительным* и *иллюстративным*, причем все обязательные зоны содержат иллюстративный материал в виде цитат, которые, по точному замечанию Е.Ю. Булыгиной, представляют собой дополнительный способ толкования словарной единицы. Однако по заложенности прагматической программы в словарную статью словарь метапоказателей актуален как лексикографическое издание *активного типа*, поскольку решает одновременно две задачи: создать «лексикографические портреты» метапоказателей и объединить их в лексикографические типы. Метапоказатели описываются как прагматическая лексика, поскольку позволяют осознать роль правил речевого поведения в образовании прагматических смыслов и связь их появления с предупреждением коммуникативных осечек, с неэффективным речевым поведением. В семантике этих слов есть устойчивый, языковой прагматический: их содержательная структура включает семы – «говорящий», «адресат», «говорить», «речевое поведение», «рефлексия». Языковой прагматический

компонент метаэлементов по значению является «инструментальным» (имеется в виду инструментальный подход к языку как средству коммуникации – см. Ю.С. Степанова, Л. Витгенштейна; Г.П. Грайса, Д. Гордона и Дж. Лакоффа, Т.В. Шмелеву, Н.Д. Арутюнову и Е.В. Падучеву и др.). Он, будучи эксплицитным (*образно говоря* и т.д.), легко вычленяется и обязательно фиксируется при толковании лексического значения словарной единицы следующим образом: «Я контролирую и комментирую свое речевое поведение...». Динамичные прагматические смыслы в словаре представлены как факультативные и бывают двух видов – 1) ситуативные, то есть определяются конкретной коммуникативной ситуацией; 2) когнитивные, поскольку отражают интеллектуальную деятельность Говорящего и его прогноз относительно ментальной деятельности Адресата. Например, 1) метаэлемент в контексте *Так как вы обладаете глубокими познаниями в географии, то я не предлагаю вам посмотреть на карту, чтобы узнать, где это; но, чтобы помочь вашей памяти, скажу, что это находится между Каспийским и Черным морем, немного к югу от Москвы и немного к северу от Египта, а главное, довольно близко от Астрахани, которую вы так хорошо знаете* (М.Ю. Лермонтов - С.Н. Карамзиной) имеет ситуативный смысл «Ввожу самый важный аргумент, элемент ряда, аспект, поэтому он последний»; 2) с помощью значит, таким образом Говорящий эксплицирует ситуацию логического вывода и «приглашает» Адресата к взаимному мыслительному процессу – Каев признал себя побежденным, значит, он уже одержал победу. Хотя бы над своей гордостью (Е.Шатько).

Описание словарной единицы в словаре метапоказателей строится на принципах ориентированности на адресата (сложность реализации этого принципа состоит в выборе адекватного метаязыка для издания), единообразия интерпретации (все метапоказатели были «тестированы» по одному и тому же списку параметров, а различная структура их лексикографических портретов обусловлена принадлежностью этих метапоказателей различным функционально-семантическим классам и лексикографическим типам), простоты, интегральности, полноты и эффективности описания.

В реферируемой работе разрабатываются теоретические основы лексикографической параметризации метапоказателей и предлагаются образцы словарных статей метапоказателей различных лексикографических типов. Словарная статья интерпретируется в работе как текст (П.Н. Денисов, Ж. Дюбуа и К. Дюбуа, Н.Ю. Шведова), который, кроме лексикографических параметров, имеет зоны. **Зона** - это такая композиционная часть словарной статьи, которая имеет длину от слова до сложного синтаксического целого, представляет собою области описания словарной единицы в определенном аспекте, характеризуется цельностью, неразорванностью представления этой информации и включает один и более лексикографический параметр. Зоны делятся на обязательные и факультативные в зависимости от актуальности и существенности содержащейся информации для данного метапоказателя. Зона и лексикографический параметр соотносятся по-разному: обязательная,

– как правило, включает ряд параметров, а факультативная (*формальные функции, функции в тексте, функционально-смысловая группа метаэлементов*) – совпадает с параметром. К обязательным относятся зоны: 1) *заглавие* с обязательными параметрами (орфографический, хронологический) и факультативным – информация о варьировании плана выражения метапоказателя; 2) *сфера функционирования и сфера действия* с обязательными параметрами (дистрибутивная характеристика словарной единицы, сфера её функционирования, сфера её действия); 3) *статус в языковой системе* с обязательным – грамматическая квалификация словарной единицы – и необязательными параметрами (просодический, пунктуационный и омонимия), 4) *семантика* с обязательными (толкование, прагматическая программа, включающая обязательные и факультативные прагматические компоненты, в том числе и функционально-стилистические пометы или их значимое отсутствие) и необязательными (синонимический ряд, отрицательный материал) параметрами. Порядок следования зон в словарной статье определяется взаимосвязанностью лексикографических параметров друг от друга, в том числе обусловленностью семантической интерпретации метапоказателя другими параметрами, и основной задачей лексикографического описания.

Словарные статьи имеют одинаковый набор обязательных лексикографических параметров и различаются количеством зон и необязательных параметров описания. В зависимости от устройства словарных статей отчетливо выделяются три лексикографических типа метапоказателей (скрепы, квазиперформативы, семасиологические метаэлементы) и один промежуточный тип (интерпретативно-пояснительные метаоператоры, соединяющие признаки скреп и семасиологических метапомет). Каждый лексикографический тип метапоказателей представляет собою группу словарных единиц и выделен на основе пучка интегральных и дифференциальных лексикографических параметров, зон описания, свойственных этим единицам. Максимальный набор лексикографических зон и параметров встречается обычно у метапоказателей-перформативов и интерпретативно-пояснительных метаэлементов, которые между собой различаются грамматической парадигмой, семантико-прагматической информацией. Минимальный набор зон и параметров имеют семасиологические метапоказатели, выражающие рефлекссию Говорящего относительно вербальных языковых средств и имеющих сферой действия слово, словосочетание, фразеологизм.

В заключении подведены итоги исследования, которые сформулированы в автореферате в виде положений, выносимых на защиту, и намечены перспективы дальнейшего изучения метатекста..

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Перфильева, Н.П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. – 285 с.

2. Перфильева, Н.П. Линейность текста и ее «слом»: различные коммуникативные стратегии // Сибирский филологический журнал. – Барнаул, Кемерово, Новосибирск, Томск. – 2002. – №1. – С. 137–145.
3. Перфильева, Н.П. Интерпретация термина *метатекст* в лингвистике // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2005. – Т.4. Вып.4. Филология. – С. 12–19.
4. Перфильева, Н.П. Диалог с собственным словом // Университетская филология – образованию: Человек в мире коммуникаций: мат-лы Международн. научно-практической конф. «Коммуникативистика в современном мире: человек в мире коммуникаций». – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2005. – С. 214–217.
5. Перфильева, Н.П. Лексикографическая параметризация метапоказателей // Вестник НГУ. Сер.: История, филология.– Новосибирск. – 2003. – Т.1. Вып.1. – С. 134–140.
6. Перфильева, Н.П. Вставки в аспекте дискурсивных категорий // *Man and the word*. – Vilnius. – 2004. – Vol. 6. № 3. – С. 27–35.
7. Перфильева, Н.П. Соотношение ретроспекции, проспекции с текстовыми категориями связности и линейности // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск. – 2004. – № 4. – С. 46–50.
8. Перфильева, Н.П. Ретроспекция в свете метатекста // Проблемы интерпретационной лингвистики: Интерпретаторы и типы интерпретации: сб. научн. тр. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2004. – С. 177–190.
9. Перфильева, Н.П. Метатекст и авторизация: автономия и синкретизм // Филологические этюды: сб. науч. статей памяти Юрия Алексеевича Пупынина. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. – С. 89–104.
10. Перфильева, Н.П. Актуализационная функция метапоказателей // Интерпретатор и текст: проблемы ограничений в интерпретационной деятельности: мат-лы Пятых Филологических чтений. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2004. – Ч.1. – С. 12–18.
11. Перфильева, Н.П. Лексикографические типы метапоказателей // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: мат-лы Четвёртых Филологических чтений. Т. 1. Лингвистика. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2003.– С. 43–48.
12. Перфильева, Н.П. Разговор о метатексте в свете дисциплины «Русский язык и культура речи» // Русский язык и культура речи как дисциплина государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: опыт, проблемы, перспективы: мат-лы Всероссийской научно-практической конф. / под ред. А.А. Чувакина, И.Ю. Качесовой. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2003. – С. 149–153.
13. Перфильева, Н.П. Текстовая вставка как стратегия построения текста // Русский синтаксис: новое в теории, методике, объекте: мат-лы Всероссийск. научн. конф. – Барнаул: Изд. БПГУ, 2002. – С. 50–51.
14. Перфильева, Н.П. Языковая игра с операциональной и прагматической позиции // Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной

деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе: мат-лы докладов и сообщений Всероссийск. научн. конф. – Екатеринбург, 2002. – С. 74–79.

15. Перфильева, Н.П. Интерпретация слова в тексте или рефлексия относительно слова в тексте? // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: мат-лы Вторых Филологических чтений. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2002. – С. 33–35.

16. Перфильева Н.П. Метапоказатели-перформативы // Человек – коммуникация – текст / под ред. А.А. Чувакина.– Барнаул: изд. Алт. ун-та, 2002. – Вып. 5. – С. 67–76.

17. Перфильева, Н.П. Метатекст в свете гармонизации общения // Проблемы интерпретационной лингвистики: взаимодействие языковой категоризации и творческой активности личности: межвузовск. сб. научн. тр. / под ред. Т.А. Трипольской. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2002. – С. 92–101.

18. Перфильева, Н.П. Лексикографическая интерпретация показателей метатекста // От Словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века: мат-лы Международного симпозиума, посвященного 200-летию со дня рождения В.И. Даля. – Владивосток: Изд. Дальневосточного ун-та, 2002. – С. 278–291.

19. Перфильева, Н.П. Метатекстовые показатели, эксплицирующие акта речи // Проблемы интерпретационной лингвистики: автор – интерпретатор – текст: сб. научн. тр. / под ред. Т.А. Трипольской. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2001. – С. 123–134.

20. Перфильева, Н.П. О процессе втягивания вводных слов в сферу союзных средств // Материалы Международн. научно-методической конф. «Русский язык: вопросы теории и инновационные методы преподавания». В 3 ч. – Иркутск, 2001. – Ч. 1. – С. 136–139.

21. Перфильева, Н.П. Использование показателей метатекста в кризисных коммуникативных ситуациях// Лингвокультурологические проблемы толерантности: тез. докл. Международн. науч. конф. – Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2001. – С. 275–277.

22. Перфильева, Н.П. Вербальные и невербальные метапоказатели // Человек – коммуникация – текст / под ред. А.А. Чувакина. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2000. – Вып.4. – С. 136–144.

23. Перфильева, Н.П. Вставка и текст // Проблемы интерпретационной лингвистики: сб. научн. тр. / под ред. Т.А. Трипольской. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2000. – С. 101–107.

24. Перфильева, Н. П. Лингвистические основы успешной коммуникации (на материале игры «Дебаты») // Формирование языковой компетенции: проблемы и перспективы: сб. науч. тр. / под ред. Н.В. Федоровой. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2000. – С. 89–96.

25. Перфильева, Н.П. Антропоцентрический и текстоцентрический аспекты при исследовании вводных слов и их эквивалентов // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: тр. и мат-лы / под ред. М.Л. Ремневой и А.А. Поликарпова. – М.: Изд. МГУ, 2001. – С. 112.

26. Перфильева, Н.П. Правила употребления вводных элементов *итак, таким образом, словом* // Квантитативная лингвистика и семантика (КВАЛИСЕМ – 98): материалы I Межвузовской конф. – Новосибирск, 1998. – С. 44–46.
27. Перфильева, Н.П. Проблемы лексикографической интерпретации незнаменательных слов // Языковая компетенция: грамматика и словарь: межвузовск. сб. научн. тр. / под ред. Е.Ю. Булыгиной.– Новосибирск: Изд. НГПУ, 1998. – Ч.1. Семантико-прагматический потенциал слова и языковая компетенция говорящих. – С. 35–40.
28. Перфильева, Н.П. Правила употребления слова *действительно* // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака: сб. научн. тр. / под ред. Н.П. Перфильевой. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 1996. – С. 47–55.
29. Перфильева, Н.П. Семантико-прагматические потенции вставок // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знаков в тексте: сб. научн. тр. / под ред. Т.А. Трипольской. – Новосибирск: Изд. НГПИ, 1994. – С. 38–46.
30. Незнаменательные слова: упражнения и методические указания / сост. Н.П. Перфильева, Э.В. Самосюк. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 1994. – 53 с.
31. Перфильева, Н.П. Варьирование семантики слова ЗАТО // Функциональная семантика слова: сб. научн. тр. – Свердловск: Изд. Свердловск. ГПИ, 1992. – С. 73–79.
32. Перфильева, Н.П. Модальная частица ЯКОБЫ // Модальность в её связи с другими категориями: сб. науч. тр. / под ред. И.П. Матхановой. – Новосибирск: Изд. НГПИ, 1993. – С. 121–130.
33. Перфильева, Н.П. Семантика и особенности функционирования союза ОДНАКО в современном русском литературном языке // Функциональный анализ значимых единиц русского языка: сб. науч. тр. – Новокузнецк: Изд. Новокузнецк. ГПИ, 1992. – С. 76–83.
34. Перфильева, Н.П. Семантика высказываний с частицами МОЛ, ДЕ, ДЕСКАТЬ / Н.П. Перфильева, Ю.Б. Хальзова // Семантический и прагматический аспекты высказываний: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд. НГПИ, 1991. – С. 86–95.
35. Перфильева, Н.П. Практические занятия по синтаксису современного русского языка / Н.П. Перфильева, Т.И. Стексова. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2005. – 209 с.